

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Ф. Нильский

Семейная жизнь в русском расколе в
царствование Императора Николая I

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 6. С. 834-915.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (*).

Въ самомъ началѣ 1826 года полученъ былъ губернскими властями циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержания: „въ маѣ 1825 года пермскій гражданскій губернаторъ донесъ министерству внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи уголовной палаты, состоявшемся по дѣлу совершенныхъ между тамошними старообрядцами бракахъ... неизвѣстными попами. Комитетъ гг. министровъ, въ который внесено было по сему предмету представленіе, усматривая изъ онаго, что всѣ прикосновенные къ дѣлу сему люди состоятъ издавна въ старообрядчествѣ, и имѣя въ виду, что какъ въ пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ находится таковыхъ старообрядцевъ весьма значительное число, и всѣ они совершаютъ браки... по своимъ обрядамъ, находилъ, что мѣстнымъ начальствамъ не должно входить

(*). Статья эта, имѣя особое заглавіе, находится въ непосредственной связи съ прежде напечатанными нами въ Хр. Чтеніи статьями (1866 г. ч. I, стр. 501—570; ч. II, стр. 211—264, 409—465, 761—801; 1867 г. ч. I, стр. 523—572, 920—988; ч. II, стр. 96—1026) и составляетъ ихъ продолженіе.

ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ,— ибо отъ сего могутъ произойти большія безпокойства, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой расколъ. Таковое мнѣніе комитета гг. министровъ, изъясненное въ положеніи онаго, состоявшемся 7 октября 1825 года, удостоено 9 января 1826 года Высочайшаго утвержденія“ (1).

Чтобы понять надлежащимъ образомъ все значеніе этого законодательнаго акта въ отношеніи къ разсматриваемому нами предмету, необходимо припомнить ту страшную путаницу, какая существовала въ нашемъ законодательствѣ относительно раскольничьихъ браковъ—со времени Петра Великаго, впервые обратившаго свой орлиный взоръ на этотъ предметъ, и до самаго царствованія Императора Николая Павловича.

Извѣстно, что преобразователь Россіи, ни въ какомъ случаѣ не упускавшій изъ виду государственныхъ доходовъ, не ограничиваясь „двойнымъ окладомъ“, положеннымъ на раскольниковъ, обложилъ еще „особливымъ сборомъ, и пменно рубля по три съ человѣка мужеска и женска полу, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше“, — тѣхъ изъ заблуждающихся, которые пожелали бы „жениться тайно не у церкви, безъ вѣчныхъ памятей“ (2). Такимъ распоряженіемъ власти, очевидно, давалось раскольниковамъ полное право заключать свои браки, какъ кому вздумается; поповцы могли вѣнчаться у своихъ бѣглыхъ поповъ, безпоповцы имѣли право, если бы пожелали, вступать въ сожитія съ избранными ими женщинами—по благословенію своихъ наставниковъ—„большаковъ“, или просто—по-

(1) Собр. постанов. по части раск. 1858 г. стр. 93—4.

(2) Полн. собр. зак. т. V, № 3340.

взаимному согласію между собою. Ни власть свѣтская, ни власть духовная, въ силу вышеприведеннаго указа, не имѣли ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ это дѣло, лишь бы только раскольники исправно вносили въ казну за свои внѣ церковныя вѣнчанія трехъ—рублевый сборъ. Такъ, казалось бы, должно было быть, и однакоже не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Не смотря на именной указъ 24-го марта 1719 года, церковная власть издастъ въ 1722 году (15-го мая) свой указъ, которымъ рѣшительно отрицается право раскольниковъ „жить безъ церковнаго вѣнчанія“ и налагается наказаніе какъ на вѣнчавшихъ „внѣ церкви“ раскольничьи браки, такъ и на самихъ брачавшихся; тѣ же изъ раскольниковъ, кои „сживались сами съ собою безъ всякаго вѣнчанія, яко законопреступники, звались на судъ архіерейскій“, и даже—„въ розыскъ“ (1). Мало этого: въ томъ же 1722 году св. синодъ уже „обще съ сенатомъ“ издають другой указъ, которымъ опредѣлялось „имать у всѣхъ раскольниковъ сказки, подъ лишеніемъ имѣнія и ссылкой на галеры, кто у нихъ... брачавшихся вѣнчаетъ, и по тѣмъ сказкамъ такихъ, кого они покажутъ, сыскивать чрезъ нихъ же самихъ къ духовному правленію и, сыскивая, допрашивать, какого былъ кто чина (и ежели попъ, кѣмъ посвященъ и имѣетъ ли свидѣтельствующую священство его грамоту, и гдѣ служить, и по указу ль, и не подъ запрещеніемъ ли обрѣтается. А буде не посвященной дѣйствуетъ), давно ль въ расколѣ и вѣмъ въ расколъ приведенъ и такой прелести наученъ, и для чего такъ дерзостно не данная ему дѣйствуетъ, и, по тѣмъ допросамъ учяня

(1) Тамъ же, т. VI, № 4009, п. 8.

обстоятельное о нихъ слѣдованіе, отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ, а движимое ихъ и недвижимое имѣніе отписывать на Его Императорское Величество и содержать подъ синодскимъ вѣдѣніемъ" (1). Этотъ указъ, очевидно, направленъ былъ уже къ тому, чтобы, чрезъ помилку бѣглыхъ поповъ и раскольническихъ наставниковъ, отнять у заблуждающихся самую возможность вступать въ безцерковные браки и тѣмъ заставить ихъ или вѣнчаться у православныхъ священниковъ (2), или „жить безъ всякаго вѣнчанія“, какъ кому удобнѣе. Наконецъ, независимо отъ трехъ-рублеваго сбора въ пользу казны, св. синодъ указами 15-го мая 1722 года и 10 сентября 1723 года наложилъ на раскольниковъ за внѣ-церковную ихъ „женитьбу“ особый штрафъ въ пользу приходскаго духовенства (3). А изъ всего этого выходило то, что въ царствованіе Петра 1-го раскольникъ, на основаніи Именнаго указа отъ 24-го марта 1719 года, могъ, внеся въ казну три рубля, вступить въ бракъ посредствомъ вѣнчанія „внѣ церкви“, или—и безъ вѣнчанія; но при этомъ обязанъ былъ за свою „женитьбу“ заплатить „гривну“ и даже больше своему приходскому священнику съ причетниками, и кромѣ того долженъ былъ объявить начальству, кто его вѣнчалъ, и представить такого „продерзателя къ духовному правленію“ для наказанія, которому подвергался и самъ, „яко своего обѣщанія“, даннаго „при записаніи своемъ въ явный расколъ съ роспискою, преступникъ“; въ случаѣ же нежеланія открыть совершителя брака, молодой су-

(1) Тамъ же № 4052.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 53.

(3) Тамъ же стр. 38 и 82.

пругъ имѣлъ право попасть „въ розыскъ“, т. е. познаться съ приснопамятными дѣятели Преображенскаго приказа, или—по меньшей мѣрѣ—розыскной раскольническихъ дѣлъ канцелярiи, т. е. послѣ распросовъ—испытать „на тѣлѣ публичное наказанiе“, или даже, смотря „по важности винъ, подлежатъ ссылкѣ временно или и вѣчно въ галерную работу“ (1).

Такая же противорѣчивость въ законодательствѣ касательно раскольничьихъ браковъ продолжалась и послѣ Петра I-го—до Екатерины II-й. Именной указъ о трехъ-рублевомъ сборѣ съ раскольниковъ, вступавшихъ въ бракъ безъ церковнаго вѣнчанiя, продолжалъ существовать въ качествѣ дѣйствующаго закона, а между тѣмъ сенатъ издаетъ въ это время новыя постановленiя, которыя прямо ему противорѣчили. Такъ указомъ 26 мая 1733 года повелѣвалось сыскивать и за каруломъ отсылать въ снудъ тѣхъ раскольниковъ, которые — „непосвященные церковныя дѣйства дерзають чинить, и именно: свадьбы вѣлчаютъ“ и проч. (2). Съ цѣлю же пресѣчь раскольникамъ возможность вступать въ браки безъ церковнаго вѣнчанiя и совершать другiя требы былъ изданъ сенатомъ указъ и въ 1736 году (3). Что же касается власти церковной, то она, считая сожительства раскольниковъ безъ церковнаго вѣнчанiя любодѣянiемъ (4), а дѣтей, рождавшихся отъ подобныхъ сожительствъ, незаконнорожденными (5), употребляла все средства къ тому, чтобы „таковому всескверному“ раскольниковъ „дѣйству возымѣлось пре-

(1) Снес. тамъ же стр. 135.

(2) Полн. собр. зак. т. IX, № 6415.

(3) Тамъ же № 6928.

(4) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 141.

(5) Тамъ же стр. 585.

сѣченіе“, и съ этою цѣлю разсылала „достоинѣхъ персонъ“ для поимки „раскольническихъ учителей и скитавшихся поповъ“, которые, въ числѣ другихъ святотатственныхъ дѣйствій, позволяли себѣ „брачившихся“ раскольниковъ „вѣнчать“ и которыхъ за это синодъ предписывалъ „отдавать подъ наикрѣпчайшій арестъ, заклепавъ въ ручныя и ножныя желѣза, и содержать подъ тѣмъ арестомъ до указа въ самыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, никого и ни для чего къ нимъ ни съ чѣмъ не допуская“ (1); хотя, на основаніи Высочайшей резолюціи, состоявшейся 12 апрѣля 1722 года на докладныхъ пунктахъ синода, судъ о любодѣяніи и дѣтяхъ, прижитыхъ блудодѣйствомъ, принадлежалъ власти свѣтской, а не духовной (2).

Въ царствованіе Екатерины II-й вопросъ о раскольническихъ бракахъ, по видимому, уясняется. Въ первый же годъ своего царствованія Великая Императрица издаеетъ указъ, въ которомъ, повторивъ, между прочимъ, распоряженія Петра I-го о наложеніи на всѣхъ вообще раскольниковъ двойнаго оклада, а на тѣхъ изъ нихъ, которые вѣнчались „не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей“, трехъ-рублеваго сбора, объявляла во всеобщее свѣдѣніе, что во всемъ другомъ раскольникамъ, равно какъ и дѣтямъ ихъ, „ни отъ кого никакого притѣсненія чинено не будетъ“ (3). За тѣмъ въ 1764 году, послѣ третьей ревизіи, манифестомъ отъ 3 марта назначена была перепись и раскольникамъ, причемъ повелѣвалось, чтобы раскольники, при подачѣ о себѣ сказокъ, „въ тѣхъ сказкахъ писали всѣхъ, какъ

(1) Тамъ же стр. 400—403.

(2) Полн. собр. зак. т. VI, № 3963, п. 7 и 12.

(3) Тамъ же, т. XVI, № 11725.

мужескій, такъ и женскій полъ, по семейству своему, какого бы они званія ни были, безъ малѣйшей утайки“ (1). А это значило, что въ это время семейные союзы раскольниковъ хотя и не признавались вполнѣ законными, но—и не расторгались свѣтскою властію (2). Далѣе: указомъ 1765 года Екатерина II отмѣняетъ „во всемъ государствѣ съ свадебъ за вѣчные памяти денежный сборъ“ (3). Простирался ли этотъ указъ и на раскольниковъ, какъ стараются доказать это современные намъ расколическіе писатели (4), или онъ ограничивался только лицами православными, „желавшими, по словамъ сѹнода, вступать въ бракъ по церковному чиноположенію“,—мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что, послѣ уничтоженія вѣчныхъ памѣтей, продолжать трех-рублевый сборъ съ раскольниковъ, вѣнчавшихся „не у церкви, безъ вѣчныхъ памѣтей“, значило бы поступать несправедливо. Наконецъ въ 1782 году Екатерина освобождаетъ заблуждающихся отъ платежа двойнаго оклада (5), а въ 1783 году—и отъ самаго названія „раскольникъ“; а это значило, что съ этого времени „свѣтская власть“ рѣшилась „не вмѣшиваться въ различіе, кого изъ жителей въ числѣ правовѣрныхъ, или кого въ числѣ заблуждающихся почитать“, а только считала своею обязанностію „надъ всеми вообще наблюдать, дабы каждый поступалъ по предписаннымъ государственнымъ узаконеніямъ“ (6). При

(1) Тамъ же № 12067.

(2) См. собран. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 667—8; снес. стр. 550.

(3) Полн. собр. зак. т. XVII, № 12433.

(4) Историч. извѣщ. о безирер. продолж. законнаго брака въ старо-вѣрахъ л. 16.

(5) Полн. собр. зак. т. XXI, № 15581.

(6) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 710 — 723; истор. ми. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 37.

такое отношеніи въ расколу власти, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ либо преслѣдованіи раскольниковъ за ихъ безцерковные браки (1), и власти церковной, не признававшей законности такихъ браковъ, не оставалось ничего болѣе, какъ, скрѣпя сердце, „увѣщевать“ только заблуждающихся „о обращеніи отъ расколу и о вѣнчаціи въ церквахъ православныхъ“ (2).

Впрочемъ такой порядокъ вещей продолжался не долго. Въ первый же годъ по смерти Екатерины II-й церковная власть уже начинаетъ заявлять о незаконности раскольничьихъ браковъ, и притомъ не только безсвященнословныхъ, но и вѣнчанныхъ бѣглыми попами (3). А съ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра Благословеннаго она даже начинаетъ расторгать подобные союзы (4). Въ 1808 году св. синодъ, по прежнему признавая раскольничьи браки незаконными, любодѣяніемъ, блудомъ, а дѣтей, прижитыхъ въ такихъ бракахъ, незаконнорожденными, судъ объ нихъ, по силѣ Высочайшей резолюціи на докладныхъ св. синода пунктахъ, предоставляетъ власти свѣтской (5). И однако же, не смотря на такое опредѣленіе, онъ и послѣ этого продолжаетъ расторгать раскольничьи браки (6), а консисторіи не перестаютъ требовать къ себѣ раскольниковъ „для отвѣта“ по дѣламъ о бракахъ (7).

(1) Не даромъ же защитники безсвященнословныхъ браковъ писали въ это время: „нынѣ время свободы, нынѣ слово Божіе не выжется“ и проч. См. „слово увѣщ. о зак. бракѣ“—Заяцкеваго—въ публ. библиот. № 31, въ сборн. № 473.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 694.

(3) Тамъ же стр. 755.

(4) Тамъ же кн. 2, стр. 48—49.

(5) Тамъ же стр. 75, 83—84.

(6) Тамъ же стр. 78—79.

(7) Тамъ же стр. 98, 133, 174—5.

Мало этого: въ царствованіе Императора Александра I-го, сами свѣтскіе суды начинаютъ пугаться въ рѣшеніи вопроса о раскольничьихъ бракахъ. Одни изъ нихъ преслѣдуютъ брачавшихся ввѣ церкви раскольниковъ судомъ уголовнымъ (1), другіе составляютъ „выписки изъ законовъ“ о томъ, что „браки раскольниковъ, вѣнчанные ввѣ церкви, незаконны и подлежатъ расторженію, — виновные наказываются тѣлесно, а дѣти, отъ нихъ рожденныя, лишаются не только наслѣдства въ имѣніи, но и фамиліи“ (2), хотя и не осмѣливаются приводить эти выписки въ исполненіе безъ разрѣшенія высшихъ инстанцій; между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ, не признавая такого взгляда на раскольничьи браки неправильнымъ, не рѣшается однако же обратить его въ законъ и, вмѣсто положительныхъ предписаній, даетъ подчиненнымъ ему мѣстамъ и лицамъ только совѣтъ — слѣдовать въ вопросѣ о бракахъ раскольническихъ „правиламъ кротости, принятымъ основаніемъ въ распоряженіяхъ правительства“ (3). Но и послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „по требованію мѣстнаго духовнаго начальства“, раскольничьи браки подвергаются расторженію и даже „безъ предварительнаго о томъ представленія министерству“ (4).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находились раскольничьи браки предъ судомъ закона, когда Императору Николаю Павловичу, въ первый же годъ своего царствованія, угодно было Высочайше утвердить вышеизложенное мнѣніе комитета министровъ. Строго гово-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 93.

(2) Истор. мѣст. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 115.

(3) Тамъ же стр. 119.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 96.

ря, этимъ мнѣніемъ не разрѣшался еще окончательно вопросъ о томъ, какое юридическое значеніе должны были имѣть съ этого времени виѣ церковные раскольничьи браки; но имъ по крайней мѣрѣ пресѣкались всѣ недоумѣнія, какія возбуждались въ низшихъ судебныхныхъ инстанціяхъ при сужденіи объ этомъ предметѣ, и прекращались самыя изслѣдованія о бракахъ заблуждающихъ, и притомъ—не только въ судахъ свѣтскихъ, но и духовныхъ. А что такъ, а не иначе, понималъ свое мнѣніе комитетъ министровъ, видно изъ того, что, когда старшины Екатеринбургскаго старообрядческаго общества обратились (въ томъ же 1826 году) въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою „о томъ, дабы вѣнчанные старообрядческими священниками между сословіемъ ихъ браки не были подвергаемы, по требованіямъ мѣстнаго духовнаго начальства, расторженію“, комитетъ министровъ, „имѣя въ виду, что Высочайше утвержденнымъ положеніемъ онаго 9 января 1826 года постановлено уже“ было, „чтобы какъ въ Пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ, мѣстныя начальства не входили ни въ какія розысканія о тѣхъ старообрядцахъ, которые издавна находятся въ сей сектѣ, а наблюдали бы только, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой расколъ, журналомъ 19 января 1826 года положилъ, что сего постановленія совершенно достаточно, дабы сихъ людей ни мѣстныя полиціи, ни духовныя начальства не тревожили понапрасну“, о чемъ, по утвержденіи положенія комитета Государемъ Императоромъ, и дано было знать секретными предписаніями гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, въ коихъ находились раскольники, а св. синоду предоставлено было сдѣлать такія же предписанія епархіальнымъ архіере-

ямъ (1). Наконецъ, когда въ 1827 г. возникъ въ государственномъ совѣтѣ вопросъ: „духовному или гражданскому вѣдомству надлежитъ разсматривать и судить дѣла о людяхъ, вступившихъ въ бракъ по раскольниковъ обряду“, Государь Императоръ, „усматривая, что указомъ святѣйшаго сѣнода 14 августа 1808 года, преосвященному Воронежскому и Черкасскому даннымъ, дѣла такого рода постановлено разсматривать и судить гражданскимъ, а не духовнымъ правительствомъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы означенный указъ распубликованъ былъ для единообразнаго и повсемѣстнаго исполненія какъ чрезъ правительствующій сенатъ, такъ и посредствомъ святѣйшаго сѣнода“ (2).

Нужно ли говорить, съ какою радостію приняты были указанные постановленія раскольниками — поповцами, которые, какъ извѣстно, никогда не отрицали брака и къ которымъ собственно и относились всѣ означенныя распоряженія власти? Но не одни поповцы могли быть признательны молодому Государю за новые законы по вопросу о бракахъ раскольниковъ. Читая вышеприведенные указы, могли чувствовать себя хорошо и тѣ изъ раскольниковъ — безпоповцевъ, кои труднымъ опытомъ жизни дошли до сознанія, что ученіе „прежнихъ отцевъ“ о всеобщемъ дѣвствѣ—вещь хорошая, но неудобноисполнимая, и, во избѣжаніе разврата, обзаводились женами—то по благословенію родителей, то по обрядамъ Покровской часовни (3). Правда, во всѣхъ указахъ, которые мы изложили, рѣчь шла только о

(1) Тамъ же стр. 97—8.

(2) Тамъ же стр. 109—110.

(3) Какъ заключались браки безпоповцевъ въ Покровской часовнѣ, см. объ этомъ въ Хр. Чт. 1866 г. ч. II, стр. 792—3.

раскольническихъ бракахъ, заключавшихся при посредствѣ, такъ называвшихся, бѣглыхъ поповъ, между тѣмъ какъ безпоповцы вступали въ свои сожителства по благословенію своихъ наставниковъ—мірянъ. Но, рассуждали безпоповцы, вѣдь и бѣглые попы, которыми пробавляются поповцы, по суду власти церковной и гражданской, суть такіе же незаконные пастыри, какъ и наши наставники, и браки поповцевъ, которые совершаютъ у нихъ бѣглые попы, точно также признавались въ прежнее время незаконными, какъ незаконными считались и наши семейные союзы, заключавшіеся по благословенію родителей, или наставниковъ; и мы, подобно поповцамъ, давно состоимъ въ „древле-православной вѣрѣ“, или въ старообрядствѣ, и отъ не признанія властію нашихъ брачныхъ союзовъ могутъ произойти разнаго рода „безпокойства“, потому что и насъ точно также, какъ и поповцевъ, находится въ разныхъ губерніяхъ „весьма значительное число“; а потому, заключали безпоповцы, быть не можетъ, чтобы правительство, прекратившее преслѣдованія браковъ поповщинскихъ, позволило мѣстнымъ властямъ преслѣдовать по прежнему наши безсвященнословные брачные союзы. И если въ новыхъ указахъ рѣчь идетъ только о бракахъ поповщинскихъ, то, вѣроятно, потому, что представленія, по которымъ состоялись эти указы, касались только поповцевъ. На основаніи такихъ разсужденій, тѣ изъ безпоповцевъ, коимъ наскучило дѣвство, спѣшили въ Покровскую часовню для заключенія въ ней своихъ браковъ, а настоятели часовни, ничтоже сумняся, вѣнчали такіе браки (1).

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 744—746.

Не долго, впрочемъ, пришлось безпоповцамъ оставаться въ неизвѣстности о томъ, въ какое отношеніе поставить себя къ ихъ бракамъ новое правительство, съ такою терпимостію взглянувшее на браки поповщинскіе. Въ 1833 году назначена была новая—восьмая ревизія (1). Намъ неизвѣстно, возникали-ль при производствѣ этой ревизіи въ губерніяхъ, населенныхъ безпоповцами, вопросы о томъ, „какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниковыми въ браки по обрядамъ ихъ секты,—и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ“,—какъ было это при производствѣ 9-й народной переписи (2),—но мы знаемъ, что „сожительницы раскольниковъ безпоповщинской секты—даже едосѣвской—были показаны по 8-й ревизіи въ семействахъ названныхъ мужей своихъ *женами ихъ*“ (3), подобно женамъ поповцевъ, а слѣдовательно и дѣти безпоповцевъ имѣли право на названіе законныхъ. Уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ убѣдить безпоповцевъ въ томъ, что правительство, рѣшившееся „терпѣть въ гражданскомъ отношеніи“ браки поповцевъ (4), не намѣрено преслѣдовать и брачные союзы безпоповщинскіе. Въ скоромъ, впрочемъ, времени послѣдовалъ объ этомъ предметѣ положительный законъ. На сообщенный министерству внутреннихъ дѣлъ вопросъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора: „должно ли не дозволить раскольниковымъ безпоповщинской секты отправленіе таинствъ по обрядамъ оной явно“,—Государь Императоръ, 5 декабря 1834 года, Высочайше

(1) Стат. табл. рос. импер. вып. 2, 1863 г. стр. 143.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 537.

(3) Тамъ же стр. 534 и 550.

(4) Тамъ же стр. 265.

поведѣть соизволилъ: „сообщить Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору, что о тѣхъ раскольникахъ секты безпоповщинской или иной, кои совершаютъ таинства и мірскія требы по обряду своей ереси, само собою не слѣдуетъ входить ни въ какое изслѣдованіе, а надлежитъ только наблюдать, дабы они отнюдь не отправляли оныя публично и съ явнымъ оказательствомъ ученія и богослуженія ихъ секты“ (1). По смыслу этого распоряженія, безпоповцы, очевидно, ставились на одну доску съ поповцами и точно также, какъ послѣдніе, могли вступать въ свои безсвященнословные браки, не опасаясь за это преслѣдованія мѣстныхъ властей. Нѣтъ нужды доказывать, какъ благопріятны были всѣ указанныя распоряженія власти развитію и распространенію въ средѣ безпоповщинскаго раскола ученія Покровской часовни о необходимости брачной жизни. Если и въ прежнее время, когда безпоповщинскіе брачные союзы могли подвергнуться и на самомъ дѣлѣ часто подвергались расторженію, проповѣдь послѣдователей Василья Емельянова о необходимости и законности брачной жизни находила себѣ большое сочувствіе въ массахъ безпоповщинскихъ; то само собою понятно, что теперь, когда безпоповцамъ дано было право безбоязненно совершать по ихъ обрядамъ всѣ таинства, а слѣдовательно и таинство брака, ученіе Покровской часовни должно было находить себѣ еще больше послѣдователей. Къ сожалѣнію, въ это время между лицами, заправлявшими дѣлами Покровской часовни, возникли недоразумѣнія и ссоры, которыя сильно вредили успѣху распространенія—по крайней мѣрѣ въ московской безпоповщинѣ—„тайны брака“.

(1) Тамъ же стр. 166—7.

Въ 1827 году Андреянъ Сергѣевъ, зять Скочкова, мечтавшій послѣ теста сдѣлаться настоятелемъ часовни и однако же не достигшій своей цѣли, рѣшился отмстить своему обществу, избравшему въ настоятели Антипа Андреева, и совершенно отдѣлиться отъ него. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали этому замыслу Сергѣева. Въ 1826 году умеръ настоятель одной московской еедосѣвской моленной, устроенной купцомъ Грачевымъ, завѣщавъ моленную съ настоятельствомъ бѣглому солдату Анисимову, проживавшему въ моленной въ числѣ призрѣваемыхъ и сѣумѣвшему при помощи денегъ приписаться въ московскіе мѣщане. Между тѣмъ Преображенское кладбище, толкуя по—своему завѣщаніе Грачева и не видя въ Анисимовѣ особенно усерднаго къ себѣ приверженца, рѣшилось, во что бы то ни стало, завладѣть Грачевской моленной. Анисимовъ, чтобы усиѣннѣе бороться съ кладбищемъ, задумалъ сблизиться съ Покровской часовней, или вѣрнѣе: съ Андреяномъ Сергѣевымъ, который, какъ догадывался Анисимовъ, былъ недоволенъ часовней за отказъ ему въ настоятельствѣ и радъ былъ отдѣлиться отъ нея, чтобы составить отдѣльную самостоятельную общину. И дѣйствительно Сергѣевъ, придумавъ довольно благовидный предлогъ къ отдѣленію отъ часовни, перешелъ со всею своею партією къ Анисимову въ моленную Грачева, при чемъ унесъ съ собою и „брачную книгу“, которою завѣдывалъ и которая собственно и привлекала къ Покровской часовнѣ многихъ московскихъ и иногородныхъ поморцевъ. Это обстоятельство впрочемъ не особенно смутило Антипа Андреева, настоятеля Покровской часовни. Лишившись „брачной книги“ и части своихъ прихожанъ, перешедшихъ съ Сер-

Гѣевымъ въ моленную Грачева, онъ только усилилъ свою пропаганду въ пользу брака и въ скоромъ времени достигъ того, что подчинилъ своей часовни поморцевъ подмосковнаго села Зуева и почти весь Покровский уѣздъ Владимірской губерніи, а „брачную книгу“, унесенную Сергѣевымъ, замѣнилъ выдачею свидѣтельствъ, за подписью первостатейныхъ прихожанъ (1), — свидѣтельствъ, которымъ простодушные старообрядцы вѣрили не меньше, чѣмъ прежнимъ записямъ ихъ браковъ въ „брачную книгу“. Мы имѣемъ подъ руками одно изъ такихъ свидѣтельствъ, и такъ какъ въ немъ указаны основанія, на которыхъ безпоповцы утверждали свое право на безсвященнословные браки, то мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь. „Свидѣтельство о бракѣ, 1835 года октября 24 дня, на основаніи Высочайшихъ, существующихъ указовъ всемилостивѣйше старообрядцамъ о бракахъ состоявшихся 1718 марта 2 и октября 9, 1719 марта 24, 1762 декабря 14, 1775 марта 17. ст. ст. и Высочайше утвержденнаго въ 26 день марта 1819 г. мнѣнія Государственнаго совѣта и Правит. Сенатомъ распубликованнаго указами въ апр. 1819 г., и по указу Правит. Сената, распубликованному отъ 4 января 1819 г., мы нижеподписавшіеся симъ свидѣствуемъ, что дворовый человекъ Семень Тимоеевъ старообрядецъ, Ярослав. губ., Ростовскаго уѣзда, экономич. Жадимеровской волости, д. Сельниковъ съ крестьянскою дочерью, дѣвицею Матреною Федоровою старообрядкою, въ Москвѣ, Лефорт. части, въ старообрядческомъ общественномъ домѣ сего

(1) Старообр. Покр. мол. и Фил. часовн. въ Москвѣ, Вишнякова, стр. 17 — 21 и 24; снес. собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кв. 2, стр. 744—5.

1835 г., октября 23 дня, вступилъ въ законное супружество, оба первымъ бракомъ; въ утвержденіе чего, по указу московскаго магистрата 2-го д-та 1804 г. февраля 15 дня, означеннаго старообрядческаго дома попечители подписуемся: Моск. 1 гильдіи купецъ Никаноръ Матвѣевъ Гусаревъ, Московскій мѣщанинъ Маркелъ Никитинъ. Подпись рукъ удостоверяю Лефортовской части 4 квартала квартальный надзиратель Колосовскій. Въ третьей книгѣ записной 1835 г. № 13^а (1).

Собственно говоря, интересны въ этомъ раскольниковемъ документѣ не данныя, на основаніи которыхъ Покровская часовня считала себя въ правѣ вѣнчать браки своихъ послѣдователей и о несостоятельности которыхъ мы уже говорили (2), а то обстоятельство, что это свидѣтельство выдано раскольничьими вожаками въ 1835 году,—и даже за подписью квартального надзирателя, между тѣмъ какъ еще 1834 года 29 января было Высочайше повелѣно—сообщить московскому военному генералъ-губернатору, чтобы онъ воспретилъ раскольникамъ выдавать свидѣтельства о духовныхъ требахъ (3). Видно, московскіе старообрядцы умѣли замедлять исполненіе даже Высочайшихъ повелѣній.

1835 годъ, къ которому относится приведенный нами документъ, былъ послѣднимъ годомъ самостоятельнаго существованія Покровской часовни. 31 декабря 1836 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—домъ, въ которомъ помѣщалась часовня, и землю, на которой стоялъ домъ, отдать, по уничтоженіи молельни, наслѣдникамъ Моина, по имени котораго Покровская часовня и назы-

(1) Кельсиев. вып. 4, стр. 217, примѣчаніе.

(2) Христ. Чтен. 1867 г. ч. I, стр. 974—981.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 152—3.

валась Мошиной (1). Въ 1837 году Высочайшее повелѣніе было уже исполнено. Въ сборникѣ бракорборныхъ сочиненій, находящемся въ импер. публ. библіотекѣ (№ 473), въ сочиненіи подѣ № 34, сказано: „сословіе брачущихся и за царя молящихся по приходу принадлежитъ къ дому, бывшему общественному, который нынѣ находится въ Москвѣ, Лефортовской части, 5-го квартала, подѣ № 755—въ Покровскомѣ. Домомѣ симѣ они владѣли, въ немѣ отправляли богослуженіе и совершали обряды таинства для браку 40 лѣтъ. Домѣ сей нынѣ съ 1837 года поступилъ во владѣніе наследникамѣ“ (л. 270 об.). Вслѣдствіе чего постигла такая бѣда Покровскую часовню, изъ Высочайшаго повелѣнія не видно; но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, случай, послужившій поводомѣ къ закрытію моленной, былъ слѣдующій. Еще до изданія въ 1834 году указа— о непреслѣдованіи безповцевъ за совершеніе ими таинствъ и другихъ требъ по обрядамѣ ихъ вѣрованій, Покровская часовня повѣнчала однажды иногороднюю чету, пріѣхавшую въ Москву за благословеніемъ на бракъ изъ Владимірской губерніи. Дѣло, по видимому, не важное; подобные браки не разѣ заключались въ Покровской часовнѣ,—полиція это знала, но молчала, потому что пользовалась отъ каждаго брака приличными приношеніями. На бѣду часовни. о совершенномѣ въ ней бракѣ лицѣ изъ Владимірской губерніи узналъ приходскій священникѣ и немедленно донесъ своему начальству о своеволіи покровцевъ въ вѣнчаніи браковъ. Началось изслѣдованіе заявленнаго факта, которое открыло за покровцами и другіе грѣшки,—именно: отмѣну Анти-

(1) Тамъ же стр. 235—6.

помъ Андреевымъ молитвы за царя и непризнание имъ браковъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви... Какъ велось дальше дѣло, неизвѣстно; только оно кончилось уничтоженіемъ Покровской молебни и передачей земли, на которой она была построена, послѣдникамъ Монины. Тяжело было покровцамъ разставаться съ молебней, въ которой они отправляли богослуженіе и совершали свои браки цѣлые 40 лѣтъ; но въ скоромъ времени они были утѣшены устройствомъ новой (молебни) въ домъ купца Гусарева—того самаго, подпись котораго мы видѣли подъ вышеприведеннымъ „свидѣтельствомъ о бракѣ“, въ качествѣ попечителя Покровской часовни. Дѣло въ томъ, что полиція, которой было приказано запечатать Покровскую молебню со всѣми ея принадлежностями и сломать иконостасъ, ограничилась только тѣмъ, что разобрала иконостасъ, а вещи изъ часовни, иконы и утварь дозволила, за извѣстную плату, вывезти изъ часовни въ домашнюю молебню Гусарева, которая немедленно и обратилась въ общественную (1). Кромѣ того образовалось въ это время съ ученіемъ Антипа Андреева двѣ моленныхъ—въ домахъ купца Морозова, изъ которыхъ въ одной былъ сдѣланъ настоятелемъ моск. мѣщанинъ Матвѣй Андреевъ, а въ другой отправляла богослуженіе казенная крестьянская дѣвка Дарья Нефедьева (2).

Гораздо важнѣе была для московскихъ поморцевъ Покровской часовни другая потеря, которую они понесли въ томъ же 1836 году,—потеря жаркаго проповѣдника необходимости брачной жизни и ловкаго паставника въ лицѣ Антипа Андреева, скончавшагося въ

(1) Старообр. Покр. мол., Вишнякова, стр. 15—16.

(2) Дѣло въ арх. департ. общ. дѣлъ мин. вв. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 22.

этомъ году ⁽¹⁾. Мѣсто его занялъ, по однимъ извѣ-
стіямъ ⁽²⁾, Я. Петровъ, — человекъ слабый и старый,
который, разумѣется, мало заботился о пропагандѣ въ
пользу брака, по другимъ ⁽³⁾, преемникомъ Антипу
Андрееву былъ Михаилъ Яковлевъ, вызванный Андрее-
вымъ въ Москву изъ города Гороховца, Владимірской
губерніи ⁽⁴⁾, — то же личность ничѣмъ особеннымъ не за-
мѣчательная. Какъ бы то ни было, только несомнѣнно
то, что съ 1836—7 года, и особенно съ 1847 года,
община Покровской часовни начинаетъ слабѣть и рас-
падаться на части ⁽⁵⁾, чтб, само собой понятно, мало
благопріятствовало развитію въ средѣ поморскихъ без-
поповцевъ Москвы ученія о необходимости брачной
тайны. Впрочемъ, есть свидѣтельства о томъ, что, и по
смерти Антипа Андреева и по уничтоженіи Покровской
моленной, прихожане ея не перестали вступать въ бра-
ки, вѣнчаясь въ модельнѣ Гусарева и по прежнему по-
лучая „свидѣтельства“ о повѣнчаніи. Въ сборникѣ бра-
коборныхъ сочиненій, находящемся въ Императорской
публичной библіотекѣ, есть подъ № 51 такое „свидѣ-
тельство“ о бракѣ, относящееся къ 1844 году. Вотъ
это свидѣтельство. „1844 года, февраля дня мы ниже-
подписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что московскій
мѣщанинъ слободы Огородной Абрамъ Семеновъ, имѣя
отъ роду 22 года, и московская мѣщанка слободы Ко-
нюшенной, дѣвица Аграфена Павлова, имѣющая отъ
роду 21 годъ, старообрядцы, брачующіеся по безпопов-
щинѣ сословія поморскаго, сего 1844 года, января 23

(1) Истор. извѣщ. о безпрер. прод. зак. брак. въ старовѣр. л. 17.

(2) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 24.

(3) Истор. извѣщ. о безпр. прод. зак. бр. л. 17.

(4) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 17.

(5) Тамъ же стр. 24.

дня, вступили въ бракъ законный по обрядамъ своего исповѣданія, по приходу же они принадлежать къ дому старообрядческому общественному, бывшему въ Москвѣ Лесфортовской части, что въ Покровскомъ; домъ сей нынѣ 5-го квартала подъ № 755, въ чемъ удостовѣряю подписуемся“. Впрочемъ въ сборникѣ, въ которомъ мы читали это „свидѣтельство“, находится одна только подпись отца новобрачнаго, московскаго мѣщанина Семена Артемьева. Другихъ подписей, или рукоприкладствъ, нѣтъ.

Все, что мы говорили доселѣ, относится къ той части московскихъ поморцевъ, которые остались вѣрны Антипу Андрееву и считались прихожанами Покровской часовни. Что же дѣлалось въ это время въ той половинѣ покровцевъ, которые въ слѣдъ за Андреевомъ Сергѣевыхъ оставили часовню и перешли въ Грачевскую молельню? Здѣсь проповѣдь въ пользу брака шла успѣшнѣе. Аписимовъ наследовалъ послѣ Баженова 15 фунт. золота въ монетѣхъ и слиткахъ и множество серебряныхъ денегъ съ ассигнаціями. Какъ человекъ практическій, онъ прежде всего и сталъ пользоваться этимъ средствомъ для цѣлей пропаганды, рассылая деньги по разнымъ небогатымъ раскольничьимъ общинамъ и привлекая ихъ на свою сторону. За тѣмъ, не ограничиваясь проповѣдью о необходимости брачной жизни и вѣнчаніемъ браковъ, по обрядамъ Покровской часовни, Аписимовъ сталъ еще говорить при совершеніи браковъ свои самодѣльные поученія, что придавало много торжественности брачнымъ церемоніямъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что съ Грачевской молельней соединились и усвоили ея ученіе Поморскія общины: стародубская, волоколамская, и поморцы по берегамъ Ху-

тыни, Оки и Волги. Что же касается Андреяна Сергѣева, то онъ дѣйствовалъ въ пользу брачной жизни, главнымъ образомъ, чрезъ свою брачную книгу. Кромѣ того, занимая должность главнаго прикащика у купца Л. Осипова, отправлявшаго свои товары въ Малороссію, Сергѣевъ не пропускалъ случая писать къ тамошнимъ поморцамъ, убѣждая ихъ вступать въ бракъ и увѣряя, что спасеніе единственно зависитъ отъ брака, между тѣмъ какъ безбрачная жизнь подвергаетъ слабыхъ разврату. Путешествуя же по городамъ и селамъ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерній, во время мѣстныхъ ярмарокъ, Сергѣевъ и лично внушалъ тѣ же мысли мѣстнымъ поморцамъ (1). Наконецъ и въ это время, какъ и прежде, Сергѣевъ писалъ въ защиту брачной жизни разнаго рода сочиненія. Одно изъ такихъ сочиненій, подъ названіемъ: „исходъ изъ рая тайны брака въ царство земное“, писанное Сергѣевымъ въ 1842 году, напечатано въ „сборникѣ сочиненій о бракахъ разныхъ ревностныхъ мужей“, издаиномъ въ началѣ текущаго десятилѣтія въ Иоганнисбургѣ—извѣстнымъ о. Павломъ Прускимъ, при посредствѣ одного изъ самыхъ талантливыхъ его учениковъ—К. Голубова. Мы не станемъ излагать подробно содержанія указаннаго сочиненія Сергѣева, потому что въ немъ содержатся тѣ же воззрѣнія на безсвятиенословный бракъ и тѣ же доказательства его необходимости и законности въ настоящее время—въ средѣ безпоповщинскаго раскола, какія высказывались Скочковымъ и другими послѣдователями Покровской часовни и о которыхъ у насъ уже была рѣчь (2). Но не мо-

(1) Стар. Покр. мол., Вишнякова, стр. 22—3.

(2) Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 527—553.

жемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ поименованномъ сочиненіи Сергѣевъ, не ограничиваясь основаніями и примѣрами въ пользу безсвященнословнаго брака—церковно-историческими, указывалъ еще и на современныя узаконенія гражданскія. „Браки по обрядамъ въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ совершаемые, писалъ онъ, и въ настоящемъ времени признаются и утверждаются въ своей силѣ Высочайшими сводами законами и почитаются законными; и дѣти, отъ браковъ таковыхъ рожденныя, признаются законными наследниками родительскому имѣнію. Да кромѣ того тѣми законами предписано, чтобы супружескіе союзы не расторгать даже и тѣхъ исповѣданій, въ коихъ браки принимаются за гражданскій только актъ“ (1). И хотя статьи свода законовъ, на которыя ссылался Сергѣевъ, рѣшительно не относились къ вопросу, о которомъ онъ писалъ, такъ какъ въ нихъ рѣчь идетъ о бракахъ лицъ христіанскихъ исповѣданій, а раскола власть гражданская и прежде и въ разсматриваемое нами время не признавала отдѣльнымъ христіанскимъ исповѣданіемъ, считая его только уклоненіемъ отъ православія и заблужденіемъ, (2), — хотя съ другой стороны еще въ 1839 году, какъ увидимъ послѣ, правительство положительно объявило, что оно не признаетъ безсвященнословныхъ браковъ раскольническихъ законными и „сведенныхъ такимъ образомъ мужемъ и женою“ (3); тѣмъ не менѣе можно думать, что плохо знакомые съ законами поморцы, особенно иногородніе, до которыхъ распоряженія власти не скоро достигали, вѣрили „учи-

(1) Сборн. ч. I, л. 79 об. и 80.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 231, 343 и 684.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350.

телю первопрестольнаго града⁴ и спѣшили прилагать его проповѣдь о необходимости брачной жизни къ дѣлу. Только къ концу жизни Сергѣева, авторитетъ его сталъ падать по слѣдующему обстоятельству. До св. сѣнода дошли слухи, что Сергѣевъ вѣнчается въ Москвѣ браки и даже имѣеть какую-то „брачную книгу“, въ которую вносить совершаемые имъ браки и которая главнымъ образомъ и приманивала къ Грачевской молебнѣ московскихъ и иногороднихъ поморцевъ. Началось слѣдствие, заставившее Сергѣева скрыть до обыска брачную книгу и спѣшить въ Петербургъ откупаться отъ „нивоіанскаго суда“. И хотя при помощи 50 тысячъ рублей, данныхъ Сергѣеву на дорогу Грачевскою общиною, онъ и успѣлъ оправдаться, но вести брачную книгу ему запрещено было навсегда (1).

Въ 1847 г. Сергѣевъ умеръ (2), но дѣло его не остановилось. Нашлись въ Москвѣ люди, которые не менѣе его были убѣждены въ законности брачной жизни, и если не съ бѣльшимъ искусствомъ, такъ по крайней мѣрѣ не съ меньшимъ усердіемъ, старались доказать правильность безсвященнословныхъ браковъ и незаконность и гибельность всеобщаго дѣвства. Нѣкто Овсимиъ Никифоровъ Любушкинъ, московскій поморець, рѣшился взять на себя дѣло, за которое ратовалъ Сергѣевъ, и сталъ проповѣдывать необходимость брака не только устно, но и письменно. Мы имѣемъ подъ руками одно изъ его сочиненій, подъ названіемъ: „бесѣда о бракѣ“, написанное въ 1852 г. и разосланное имъ по разнымъ безпоповщинскимъ общинамъ—съ цѣлію убѣдить ихъ къ

(1) Стар. Покр. мол. стр. 256.

(2) Ист. извѣщ. о безпр. прад. зак. брак. въ старов. л. 16 об.

принятію безсвященнословныхъ браковъ (1). „Бесѣда о бракѣ“ составлена въ формѣ разговора между безбрачнымъ и брачнымъ и написана такъ, что защитникъ всеобщаго дѣвства является подѣ перомъ Любушкина не довольно состоятельнымъ въ своихъ доводахъ. Всѣ его разсужденія о послѣднихъ временахъ міра, о прекращеніи на землѣ православнаго священства, о необходимости для законности брака пресвитерскаго благословенія и проч. и проч., опровергнуты брачнымъ, съ безпоповщинской точки зрѣнія, весьма сильно и кромѣ того представлены послѣднимъ убѣдительныя доказательства того, что отверженіе брачной жизни болѣе вредитъ безпоповству, чѣмъ принятіе брака, хотя бы и безсвященнословнаго. Вотъ главныя мысли этого небольшого, но нелишеннаго интереса, по спокойному тону, сочиненія.

Желая доказать, что бракъ долженъ продолжаться въ родѣ человѣческомъ до конца міра и что безбрачіе не можетъ быть обязательнымъ для всѣхъ закономъ, авторъ „бесѣды о бракѣ“ говоритъ: мы всѣ (т. е. какъ поморцы, такъ и еедосѣвцы) признаемъ крещеніе необходимымъ для спасенія и имѣющимъ существовать до кончины міра; но „крещеніе человѣку—второе рожденіе, а второе безъ перваго не бываетъ: первое родится человѣкъ плотію отъ утробы матери своей, второе родится отъ купели св. духомъ, и слѣдовательно какъ первое рожденіе человѣку, такъ и второе будутъ продолжаться до конца“. Сказавъ затѣмъ, что Богъ, сотворивъ мужа и жену, повелѣлъ имъ *раститися и множитися*, а потомъ, за преступленіе человѣкомъ запо-

(1) Сочиненіе это находится въ сборникѣ библ. покойн. матр. Григорія № 154, л. 1—25.

вѣди, обрекъ его на смерть: *земля еси и въ землю отъидеши*. — Любушкинъ замѣчалъ: „сіи Господни изреченія какъ брачная, такъ и смертная, продолжаются и до нынѣ и будутъ продолжаться до конца всего міра“, и далѣе разными свидѣтельствами отцевъ церкви доказываетъ, что бракъ уничтожится не раньше упраздненія смерти и наступленія царства славы, въ которомъ ни женятся, ни посягаютъ, что онъ необходимъ „продолженія родовъ ради, да, преемники роду составляюще, не погибнемъ“, что брачиться и рождать также естественно, какъ — и умирать, что невольное дѣвство, какъ не для всѣхъ выносимос, запрещено и ведетъ къ разврату, что оно оставлено каждому „на произволеніе“, что и дѣвство и супружество равно ведутъ ко спасенію, — не можеша дѣвствовати, брачися, точію съ цѣломудріемъ, — что наконецъ „никто, нигдѣ, никогда отъ святыхъ не полагалъ въ церкви дѣвство закономъ, кромѣ одного діавола; сей многократно во многихъ еритикахъ покушался поставить дѣвство закономъ, но всегда былъ церковію отражаемъ“. И чтобы окончательно поразить бракоразводцевъ, авторъ „бесѣды о бракѣ“ указывалъ на то, что самъ Θεодосій Васильевъ признавалъ браки староженовъ законными и что слѣдовательно нынѣшніе вѣдосѣвцы, разводя на „чистое житіе“ даже такихъ супруговъ, противорѣчатъ основателю своего толка.

Стараясь затѣмъ разъяснить безбрачному, на какихъ основаніяхъ поморцы принимаютъ бракъ безсвященнословный, Любушкинъ говоритъ: „на сіе надобно имѣть разсужденіе, которое выше всѣхъ добродѣтелей, и должно смотрѣть правила временъ нужныхъ и правила временъ свободныхъ“ и не смѣшивать тѣхъ и другихъ. „Чтобы пояснить сію статью, скажемъ нѣсколько примѣровъ“. Ис-

повѣдь напр., по правиламъ, можетъ принимать только епископъ, или по крайней мѣрѣ — священникъ; мало этого: по кормчей, „безъ воли епископа своего пресвитеры и всѣ діаконы да не творятъ ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни“. И однакоже, замѣчалъ безпоповецъ, „мы службы совершаемъ, кутью ставимъ на палой, крестимъ младенцевъ“ и проч. не только безъ воли епископа, но даже и безъ священника, и считаемъ такой порядокъ вещей правильнымъ и законнымъ. Такъ нужно разсуждать и о бракѣ. Во времена свободныя, желавшіе вступить въ бракъ вѣнчались. — „въ нужныя“ же — сходились безъ вѣнчанія „либо благословеніемъ“ родителей, „либо записаніемъ“, т. е. ограничиваясь однимъ свадебнымъ контрактомъ. Эту послѣднюю мысль авторъ „бесѣды о бракѣ“ доказываетъ многочисленными свидѣтельствами и примѣрами древности, которые мы уже указывали прежде, при изложеніи содержанія другихъ поморскихъ сочиненій (1), и въ заключеніе говоритъ, что не только браки христіанскіе, заключенные по взаимному согласію жениха и невѣсты и по благословенію родителей, но даже браки язычниковъ признаются отцами церкви законными, если только они не были заключены въ ближайшихъ степеняхъ родства; такъ какъ подобныя браки, по обращеніи къ церкви невѣрующихъ супруговъ, не расторгались и не повторялись.

Въ концѣ сочиненія Любушкинъ, указавъ бракоборцамъ на жизнь ихъ среди міра, и притомъ — жизнь часто не только довольную, но и роскошную, обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „когда было вольное дѣвство,

(1) Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 537—539.

и тогда не въ міру сихъ людей оставляли святіи, но строили имъ монастыри съ крѣпкими оградами и имѣли у вратъ стражу, а также поставляли надъ сими людьми начальниковъ, и никому не позволялось безъ благословенія власти изъ монастыря вонъ исходить; какимъ же образомъ въ нынѣшнее время, нарицаемое плачевное, попустимъ жить въ міру безъ женъ, и не будетъ ли отъ сего вреда церкви и порицанія христіанамъ отъ внѣшнихъ? И затѣмъ, щадя современныхъ бракоборцевъ, Любушкинъ рассказываетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, только дѣла давно минувшихъ дней, какъ напр. папа Григорій, издавшій повелѣніе, чтобы священнослужителямъ не имѣть женъ, вытащилъ однажды изъ пруда 6000 младенцевъ, а царь Іустиніанъ—3000. Мнимые дѣвственники, разумѣется, понимали, съ какою цѣлію авторъ „бесѣды о бракѣ“ пустился въ такую глубокую старину.

Какіе плоды принесло сочиненіе Любушкина ученію поморцевъ о необходимости брака, мы не знаемъ; но, по свидѣтельству самихъ едосѣвцевъ, „тетрадь“, содержавшая въ себѣ это сочиненіе, „переходила изъ рукъ въ руки“ и удостоивалась вниманія даже тѣхъ изъ нихъ, кои жили „въ кельяхъ“, т. е. были „лютыми“ защитниками и проповѣдниками всеобщаго дѣвства (1).

Въ сѣверной столицѣ — въ Петербургѣ главнымъ и ревностнымъ проповѣдникомъ ученія о необходимости брачной жизни—въ средѣ безпоповцевъ былъ въ разсматриваемое нами время тотъ же Павелъ Любопытный, который, какъ мы видѣли (2), неутомимо защищалъ

(1) См. въ томъ же сборникѣ сочиненіе, начинающееся словами: „растлѣнная жизнь не остается безъ послѣдствій“... д. 3 об.

(2) Хр. Чт. 1867 г. ч. II, стр. 1008—1015.

тайну брака и въ прежнее царствованіе. Независимо отъ устныхъ собесѣдованій съ бракоборцами, Любопытный въ это время неустанно пишетъ одно за другимъ сочиненія въ защиту безсвященнословнаго брака и въ опроверженіе ученія о всеобщемъ дѣвствѣ. Такъ въ 1826 г. является изъ подъ его пера сочиненіе подъ названіемъ: „камень брака, или неоспоримость вѣчности его въ Христовой церкви, и что сущность онаго есть вѣчный обѣтъ сожитія сопрягающихся лицъ, а не вѣнчаніе пресвитера, по заключенію черни и гласу суевѣрія“. Въ 1827 г. Любопытный пишетъ „отвѣтъ Христовой (т. е. поморской) церкви суевѣрамъ и внѣшнимъ церквамъ о формѣ бракосовершенія не хиротонисанныхъ мужей, что оныя, по праву разума и духу Христовой церкви, таинство брака, въ несбытіи священства, свято могутъ совершать“, и кромѣ того, — „показатель Христовой церкви о формѣ браковъ ветхой и новоблагодатной церковей, что существо сей тайны, по разуму и духу Христовой церкви, состоитъ въ вѣчномъ обѣтѣ сожитія сочетавающихся лицъ, а не въ вѣнчаніи чрезъ пресвитера, по молвѣ черни и воплю суевѣрія, омрачающихъ истину небесъ“. Въ 1829 г. онъ сочиняетъ „отвѣтъ философу о времени сошествія св. Духа на чету, во время совершенія священнаго ея обряда“ (1), и въ томъ же году предполагаетъ „непремѣнно сочинить“ слѣдующія книги въ пользу брака и въ опроверженіе ученія о всеобщемъ безбрачїи: „плачевный гласъ Христовой церкви о злочестивомъ мудрованїи пагубнаго бракоборства старовѣрческихъ церковей и о го-

(1) Катал. №№ 407, 408, 411 и 412; время написанія Любопытнымъ поименованныхъ сочиненій указано нами по рукописи Историческаго словаря его, находящ. въ публ. библиотекѣ подъ № 1280—въ концѣ.

рестномъ того послѣдствіи, происходящемъ всегда въ нихъ и въ оныхъ въ злобномъ мірѣ“,—„обличеніе суетвѣрныхъ и глухихъ 17-ти соборныхъ статей едосіанской церкви (1), ясно утверждающихъ пагубное бракоборство и злочестивый раздоръ съ поморскою церковію“,—„краткую исторію о началѣ яснаго, чистаго и свободнаго мудрованія о брачной тайнѣ и торжественнаго ея отправленія въ поморской церкви“, и нѣкоторыя другія (2). Зная страсть Любопытнаго къ сочинительству, можно навѣрно сказать, что онъ привелъ въ исполненіе свои предположенія и написалъ указанныя, а, можетъ быть, и другія книги. Такая неустанная пропаганда Любопытнаго въ пользу брака, конечно, не могла не дѣйствовать на петербургскихъ безпоповцевъ, которые, по самому пребыванію своему въ шумной, устроенной на нѣмецкій манеръ, столицѣ, труднѣе, чѣмъ иногородніе ихъ единомышленники, могли переносить суровое безбрачіе, не подвергаясь искушеніямъ плоти, и изъ которыхъ многіе, какъ мы видѣли (3), и прежде довольно снисходительно относились къ семейной жизни.

Историческіе памятники того времени вполне подтверждаютъ нашу мысль. Въ самомъ началѣ разсматриваемаго нами періода времени, именно въ 1829 г., С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ донесъ св. синоду, что нѣкоторыя изъ столичныхъ безпоповщинскихъ моленныхъ выхлопотали себѣ у свѣтскаго начальства право, распространенное затѣмъ и на другія моленные, и даже—въ столицѣ—по уѣзднымъ городамъ и се-

(1) Объ этихъ статьяхъ у насъ уже была рѣчь, см. Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 946—951.

(2) Катаа. №№ 489, 490, 503, 525 и др.

(3) Хр. Чт. 1867 г. ч. II, стр. 1007—11.

дамъ,—право имѣть книги, въ родѣ метрикъ, для внесенія въ нихъ, между прочимъ, „бракосочетавшихся“. И хотя св. синодъ, въ силу того начала, что „браки раскольниковъ, повѣнчанные въ домахъ и часовняхъ неизвѣстными бродягами, не могутъ быть признаны за браки законные, а за сопряженія любодѣйныя“, нашелъ распоряженіе гражданской власти неправильнымъ и вреднымъ для церкви и отечества и потому постановилъ—дать знать петербургскому военному генералъ-губернатору, „не благоугодно ли будетъ ему немедленно отмѣнить оное, безъ дальнѣйшихъ о семъ предметѣ по извѣстному порядку сношеній“⁽¹⁾; тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что и послѣ этого многіе изъ петербургскихъ безоповцевъ не только продолжали вступать въ браки по благословенію своихъ наставниковъ, но даже старались придавать своимъ внѣ-церковнымъ сопряженіямъ гражданскую законность—полученіемъ отъ своихъ обществъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи, за подписью духовниковъ, или попечителей моленныхъ. Мало этого: не смотря на то, что еще указомъ св. синода отъ 31 декабря 1828 г. выдача подобныхъ свидѣтельствъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, была безусловно запрещена⁽²⁾, с. петербургская дума почему-то считала такіе раскольничьи документы законными. Въ мартѣ 1836 г. преосвящ. митрополитъ петербургскій Серафимъ увѣдомлялъ секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, что въ началѣ этого года много было заключено браковъ между столичными поморцами, что браки эти совершались на Охтѣ раскольническими наставниками

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 229—231.

(2) Тамъ же стр. 224.

со всею торжественностію, при чемъ преосвященный указывалъ даже имена вступившихъ въ безсвященнословныя супружества безпоповцевъ, именно: извѣстныхъ купцовъ Яковлева и Семенова. Мало этого: 17 декабря того же 1836 г. купецъ Семеновъ вошелъ въ городскую думу съ прошеніемъ, при которомъ, представя данное ему изъ общественнаго раскольниковьяго дома, за подписью попечителя купца Кузьмы Горлова, свидѣтельство въ томъ, что онъ, по обряду старообрядцевъ, сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью купца первой гильдіи Абрама Яковлева Настасьєю Абрамовой, просилъ думу причислить ее къ его капиталу. И дума, ничтоже сумняся, указомъ отъ 23 декабря 1836 г. предписала старостамъ купечества и члену своему Герасимову—исполнить просьбу Семенова (').

Само собой понятно, что подобное отношеніе къ раскольничьимъ бракамъ низшихъ гражданскихъ управленій могло привлекать въ Петербургъ раскольниковъ и изъ другихъ мѣстъ—для совершенія въ столицѣ браковъ и полученія брачныхъ свидѣтельствъ. И это—тѣмъ болѣе, что само высшее правительство смотрѣло въ это время на браки петербургскихъ поморцевъ, такъ связать, сквозь пальцы. Такъ, когда доведенъ былъ до свѣдѣнія Государя Императора приговоръ петербургской уголовной палаты по дѣлу объ отставномъ канцеляриствѣ Григоріѣ Карташевѣ, состоявшемъ въ поморской сектѣ и просившемъ развода съ женою, съ которою былъ вѣнчанъ по обрядамъ своей секты, Его Величество 16 мая 1836 года Высочайше повелѣтъ соизволилъ: „дѣло о бракѣ Карташева съ Марьєю Карповою оста-

(') Дѣло департ. общ. дѣл. минист. внутр. дѣл. 1839 г. № 77, л. 101 и 110; свес. истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 398.

вить безъ дальнѣйшаго производства“ на томъ основаніи, что „когда не было правильнаго брака, то нѣтъ мѣста разсуждать и о разводѣ“ (1). А послѣ этого неудивительно, если, не смотря на начавшеся съ 1839 г. преслѣдованіе со стороны правительства сводныхъ браковъ между раскольниками иногородними, столичныя поморцы по прежнему продолжали вступать съ благословенія своихъ наставниковъ въ свои безсвященнословныя сожителства и даже получать отъ нихъ свидѣтельства на свои внѣ-церковныя браки. Въ 1841 г. нѣсколько такихъ свидѣтельствъ было найдено въ Ладожскомъ уѣздѣ (2); а это значило, что въ Петербургѣ наставники поморскіе вѣнчали браки не только столичныхъ своихъ прихожанъ, но даже и провинціальныхъ раскольниковъ. Главная фабрикація раскольничьихъ безпоповскихъ браковъ въ Петербургѣ совершалась на Охтѣ—въ бывшей здѣсь поморской моленной. Вѣнчались ли въ это время браки въ другой поморской моленной, находившейся во 2-мъ кварталѣ литейной части (подъ № 32/124) въ домѣ купца Пиккіева, на Моховой улицѣ, мы не знаемъ; но несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что въ эту часовню допускались на общую молитву и брачныя поморцы; слѣдовательно здѣсь не было той нетерпимости къ брачной жизни, какою отличались еедосѣвскіе модельни Косцова, Зеленкова и др.

Кто же въ разсматриваемое нами время совершалъ въ Малоохтенской поморской часовнѣ раскольничьи браки? Г. Вишняковъ указываетъ въ этомъ случаѣ на одного петербургскаго поморскаго наставника, нѣкоего Петра Онуфріева, который, узнавъ объ успѣшной про-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 215—216.

(2) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 398.

повѣди Андреяна Сергѣева на югъ Россіи, рѣшился поступить по его примѣру и съ этою цѣлю чрезъ своихъ адептовъ сталъ распространять между поморцами разныхъ мѣстъ Россіи, что ему позволено вѣнчать браки и выдавать брачныя свидѣтельства св. синодомъ. Этого-то Петра Онуфріевъ, по словамъ г. Вишнякова, и занимался въ Петербургѣ вѣнчаніемъ раскольниковъ браковъ (1). Въ этомъ извѣстіи есть доля правды, но есть въ немъ и ошибка. Въ рассматриваемое нами время училъ и дѣйствовалъ среди петербургскихъ безпоповцевъ въ пользу брачной жизни, а равно и вѣнчалъ браки въ Малоохтенской поморской моленной, не Петръ, а Павелъ Онуфріевъ, тотъ самый Павелъ Онуфріевъ Любопытный, который такъ много заботился объ интересахъ этой часовни, гдѣ онъ и жилъ нѣкоторое время (2), и о которомъ мы уже говорили выше. Помощникомъ Любопытному въ дѣлѣ брачной проповѣди былъ въ это время Карпъ Ивановъ Новосадовъ, муромскій ямщикъ, переселившійся въ Петербургъ, жившій долгое время при Малоохтенской поморской часовнѣ и, подобно Любопытному, занимавшійся вѣнчаніемъ поморскихъ браковъ,—хотя Любопытный въ своемъ историческомъ словарѣ отзывается о Новосадовѣ и не очень благожелательно, быть можетъ, потому, что послѣдній занимался тою же профессіею, которая приносила столько почета автору словаря. Наконецъ въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть еще указаніе на какого-то петербургскаго мѣщанина Ивана Некадова, или вѣрнѣе: Неклюдова (3), который, подобно Новосадову,

(1) Старообр. Повр. мол. стр. 25.

(2) Сборн. для истор. стар. Попова, т. II, вып. V, прилож. стр. 17 и 23.

(3) На распросы наши: кто былъ Некадовъ, старообрядцы, знако-

слылъ въ народѣ подѣ именемъ „вѣнчальника“ и будто бы также, какъ и Новосадовъ, вѣнчалъ раскольничьи браки и выдавалъ отъ себя свидѣтельства о повѣнчаніи (1).

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ петербургскіе раскольники обратили на себя вниманіе правительства. Дѣло началось съ одной едосѣвской моленной, которая извѣстна была подѣ именемъ Косцовой и въ которой, не смотря на всѣ мѣры власти, происходили разнаго рода безпорядки, даже перекрещиваніе въ расколъ православныхъ (2). По Высочайшему повелѣнію, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ изученію раскола въ столицѣ и, разумѣется, на ряду съ моленной Косцова, открыло въ Петербургѣ и другіе раскольничьи притоны, и въ томъ числѣ—поморскую часовню на Малой Охтѣ, въ которой вѣнчались раскольничьи браки. И хотя раскольники, въ оправданіе своихъ брачныхъ сопряженій, указывали на отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору—отъ 30 января 1835 года за № 60, въ которомъ было сказано, что „раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, какъ-то: крестить младенцевъ, совершать браки и погребеніе умершихъ“, только „безъ

мы намъ, отвѣчали, что о Некаодовѣ они не слышали, а слышали, что былъ въ Петербургѣ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ и вѣнчалъ браки нѣкто Иванъ Невлюдовъ; значитъ, фамилія Невлюдова въ дѣлахъ минист. внутр. дѣлъ искажена, вѣроятно, переписчикомъ, какъ искажено и имя Новосадова, который названъ въ бумагахъ не Карпомъ, а Киромъ.

(1) Дѣло департ. общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ 1839 г. № 77, л. 56—7, 79—80.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 229.

всякаго публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты, могущаго быть соблазномъ для православныхъ“, т. е. повторена была сущность постановленій, которыя мы уже видѣли; но такъ какъ въ это время власть, по поводу усиленія между провинціальными безпоповцами сводныхъ браковъ, измѣнила свой взглядъ на раскольниковъ внѣ церковныя сопряженія, признавъ ихъ „развратомъ и беззаконною жизнію“ и предписавъ „сводителей такихъ браковъ предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями“ (1), то неудивительно, что лица, которымъ было поручено изслѣдованіе раскола въ столицѣ, нашли возможнымъ—къ прекращенію безсвященнословныхъ браковъ между петербургскими безпоповцами предложить слѣдующую мѣру: „всѣ тѣ узаконенія, служащія поводомъ для раскольниковъ совершать браки, крещеніе и проч., нужно пояснить, сообразно общему духу законодательства и указу св. синода отъ 14 марта 1808 года, распубликованному сенатомъ въ 1827 году, т. е. что не имѣющіе сана священническаго никогда таковыхъ требъ совершать не могутъ, и тѣмъ прекратить ссылку, дѣлаемую раскольниками на слова закона“ (2). Мы не знаемъ, были-ль приняты къ руководству министерствомъ внутреннихъ дѣлъ указанныя мѣры въ отношеніи къ безпоповцамъ столичнымъ, но знаемъ, что съ самаго начала сороковыхъ годовъ многогородніе раскольники дѣйствительно стали преслѣдоваться властію за совершеніе сводныхъ браковъ. Этого одного уже было достаточно для того, чтобы Охтенскіе „вѣнчалники“ сдѣлались осторожнѣе въ своихъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350.

(2) Дѣло депарг. общ. дѣл. минист. внутр. дѣл. 1839 г. № 77, л. 101—111.

дѣйствіяхъ. А когда въ 1840 году правительство, въ той мысли, что „примѣръ своевольства столичныхъ раскольниковъ весьма много дѣйствуетъ на ихъ собратій по губерніямъ“, рѣшилось „принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенію своеволія и безчинія раскольниковъ“ петербургскихъ, и поэтому, не ограничиваясь однѣми еедосѣвскими моленными, которыхъ считались особенно вредными, поручило министру внутреннихъ дѣлъ обратить строгое вниманіе и на другія раскольниковыя заведенія въ столицѣ (1),—вѣнчаніе въ поморскихъ часовняхъ браковъ еще болѣе затруднилось.

Впрочемъ столичные „вѣнчалники“ не упали духомъ среди такихъ обстоятельствъ. Опасаясь совершать браки въ часовняхъ, они стали вѣнчать желавшихъ вступить въ супружество въ частныхъ домахъ. Такъ поступилъ, между прочимъ, Карпъ Новосадовъ. Нанявъ себѣ квартиру въ домѣ раскольника Тарасова—нарвской части, онъ продолжалъ здѣсь совершать браки, и притомъ не только раскольниковъ столичныхъ, но и иногороднихъ, причемъ выдавалъ по прежнему и свидѣтельства о повѣнчаніи, „на основаніи дозволенія, будто бы въ сводѣ законовъ содержащагося“. Долго ли продолжалъ Новосадовъ играть роль „вѣнчалника“, мы не знаемъ; по рассказамъ старообрядцевъ, нынѣ обратившихся къ православію, въ половинѣ сороковыхъ годовъ Новосадовъ былъ арестованъ и куда-то сосланъ. Въ тоже время умеръ и Иванъ Неклюдовъ. А Павелъ Любопытный еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, опасаясь попасть въ руки полиціи, оставилъ Петербургъ, въ которомъ около 30 лѣтъ былъ самымъ ревностнымъ за-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 381—3.

щитникомъ брачной жизни (1). Все это было большою потерею для петербургскихъ поморцевъ, и особенно для тѣхъ изъ нихъ, которые признавали необходимость и законность брака.

Въ скоромъ послѣ того времени постигли столичныхъ поморцевъ еще бѣднѣя бѣды. Главная ихъ моленная, находившаяся въ моховой улицѣ—въ домѣ купца Пиккѣва, обратила на себя вниманіе правительства еще въ 1836 году. Домъ, въ которомъ находилась моленная, принадлежалъ прежде „именитому гражданину“ Ивану Феоктистову Долгову и былъ имъ завѣщанъ Выголексинскому старообрядческому обществу. Правительство чрезъ 20 лѣтъ признало это завѣщаніе не законнымъ и въ 1836 году передало имѣніе Долгова его наследникамъ, и именно: купчихъ Галашевской (2), отъ которой домъ вмѣстѣ съ моленною перешелъ чрезъ покупку къ купцу Пиккѣву. Это бы еще ничего, но въ скоромъ послѣ этого времени моленная Долгова, какъ главный центръ столичнаго поморства, сдѣлалась предметомъ самаго бдительнаго вниманія власти, кончившагося тѣмъ, что въ 1847 году секретный комитетъ журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія 18 апрѣля этого года, положилъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ имѣть въ виду закрытіе моленной въ домѣ Пиккѣва и обращеніе занимаемыхъ ею комнатъ въ жилое помѣщеніе. Съ этого времени за означенною моленною имѣлось постоянное наблюденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ декабрѣ 1851 года, по распоряженію бывшаго министра графа

(1) Сб. для ист. стар. т. II, вып. V, прилож. стр. 27—9.

(2) Собр. посл. по ч. раск. 1858 г. стр. 200—203; Дѣло департ. общ. дѣл. мин. вн. дѣл. 1839 г. № 77, л. 77 и 104.

Перовскаго, сдѣланъ былъ внезапный осмотръ моленной Пиккіева и произведено подробное описаніе ея. Порученіе это было исполнено на канунъ праздника Рождества Христова, во время раскольническаго богослуженія, и потому не удивительно, что въ моленной было найдено до 500 человекъ молившихся разнаго пола и возраста, изъ которыхъ 127 человекъ показали на допросѣ, что они—православные и находились въ моленной только изъ любопытства. Это обстоятельство дало графу Перовскому поводъ къ исполненію Высочайше утвержденнаго въ 1847 году журнала секретнаго комитета о закрытіи моленной Пиккіева. 29 января 1852 года, онъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ, въ которомъ, объяснивъ, что закрытіе моленной Пиккіева можетъ послужить къ ослабленію безповоцискаго раскола не только въ столицѣ, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ, полагалъ съ своей стороны предоставить петербургскому военному генераль-губернатору—запечатать означенную моленную со всѣми находившимся въ ней иконами (а ихъ было 504—въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ—съ драгоценными камнями), книгами и другимъ имуществомъ,—съ тѣмъ, чтобы мѣстная полиція имѣла строгій надзоръ за цѣлостію печатей и неприкосновенностію имущества. 15-го мая 1852 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—запечатать моленную Пиккіева, но не иначе впрочемъ, какъ „по избраніи удобнаго времени и тогда, когда будетъ благовидный къ тому поводъ“. Поводъ этотъ не замедлилъ представиться. При посѣщеніи 6 января 1853 г., моленной Пиккіева чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ—я—петербургскаго военнаго генераль-губернатора, замѣчены были въ ней признаки поправки:

лѣса для передѣлокъ, образа, вынутые изъ иконостаса для поновленія, потолокъ главнаго отдѣленія отбѣленный, на хорахъ 6 человекъ рабочихъ и, кромѣ того, колоколь. Такъ какъ возобновленіе раскольническихъ моленныхъ было запрещено еще въ 1839 году (1), а въ 1841 году послѣдовало нарочитое Высочайшее повелѣніе о снятіи съ петербургскихъ раскольническихъ часовень колоколовъ (2), то само собой понятно, что с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ, которому поручено было запечатаніе моленной Пиккіева, счелъ себя теперь въ правѣ исполнить Высочайшую волю. И дѣйствительно 30 іюня 1854 года моленная Пиккіева была запечатана, а виновные въ нарушеніи закона были преданы суду. Впослѣдствіи времени самый видъ моленной былъ уничтоженъ, комнаты, въ которыхъ она помѣщалась, обращены въ жилое помѣщеніе, иконы, кресты, книги и другія богослужебныя принадлежности отданы были въ распоряженіе духовной власти—съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ „противные православію и единовѣрію“ были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а „невредные, равно драгоценности“, возвращены были тѣмъ, кому принадлежали (3).

Въ то время, какъ рѣшалась участь моленной Пиккіева, собиралась гроза и надъ другою поморскою моленною, находившеюся на малой Охтѣ. Въ 1850 году богадѣльня, находившаяся при этой часовнѣ, была подчинена вѣдѣнію попечительнаго совѣта, а завѣдываніе ею возложено на члена совѣта сенатора Жемчужникова (4).

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 338.

(2) Тамъ же стр. 387.

(3) Все эти свѣдѣнія взяты нами изъ дѣлъ департ. общ. дѣл. мин. внутр. дѣл. № 77 1839 г. и № 121/ст. 1853 г.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 539.

Того же года 8 декабря Высочайше запрещено было принимать въ означенную богадѣльню на призрѣніе не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ (¹). 15-го мая 1852 года Малоохтенская поморская часовня, по Высочайшему повелѣнію, была запечатана, находившіеся въ ея богадѣльнѣ призрѣваемые были переведены въ волковскую раскольничью (Ѳедосѣевскую) богадѣльню, къ собственности которой были присоединены денежные суммы и имущество означенной моленной и богадѣльни, а богослужебныя вещи, находившіяся въ нихъ, были переданы „на распоряженіе главнаго духовнаго начальства—съ тѣмъ, чтобы изъ числа иконъ, крестовъ и книгъ, противныя ученію св. церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а невредныя, составляющіе частную собственность, возвращены по принадлежности“. При этомъ предоставлено было с.-петербургскому военному генералъ-губернатору—уничтожить самую моленную послѣ того, какъ вещи изъ ней будутъ вынесены, а зданія и постройки передать въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія—„для помѣщенія или устройства въ нихъ со временемъ какого-либо богоугоднаго заведенія“ (²). Наконецъ, 25 декабря того же 1852 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „кладбище (малоохтенское) упразднить, предоставивъ проживающимъ тамъ раскольникахъ хоронить тѣла умершихъ единомысленниковъ своихъ на волковскомъ раскольническомъ кладбищѣ, и за симъ какъ завѣдывающимъ малоохтенскимъ кладбищемъ купцу Андрееву и мѣщанину Горлову (бывшимъ попечителямъ поморской моленной),

(¹) Тамъ же стр. 555.

(²) Тамъ же стр. 571—2.

такъ и прочимъ раскольникамъ, въ просьбѣ ихъ о дозволении по прежнему погребать тѣла умирающихъ односектаторовъ на означенномъ кладбище, отказать“ (1). Впослѣдствіи времени на мѣстѣ одной изъ бывшихъ на Малой Охтѣ молеель устроена еднновѣрческая церковь, а зданія богадѣльнъ переданы были въ распоряженіе совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества (2).

При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о вѣнчаніи въ петербургскихъ поморскихъ молельныхъ раскольничьихъ браковъ, какъ это было прежде—въ тридцатыхъ годахъ. Мало этого: съ половины сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе строгаго отношенія власти къ „своднымъ бракамъ“, самая роль раскольническаго „вѣнчалыпка“ въ столицѣ стала небезопасна. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, послѣ ареста Карпа Новосадова и смерти Пвана Исклюдова, не нашлось между петербургскими поморцами ни одного смѣлаго человѣка, который бы рѣшился взять на себя ихъ роль и продолжать начатое ими дѣло. За то съ какимъ восторгомъ вспоминають столичные поморцы не такъ давно умершую дочь Карпа Новосадова—„Марью Карповну“, которая, вѣроятно, въ силу того убѣжденія, что „съ женщины взять нечего“, рѣшилась послѣ ареста отца, разумѣется, тайкомъ, сдѣлаться раздаятельницею благословенія на брачную жизнь всѣмъ, кто хотѣлъ жить „по закону“. Что побудило эту замѣчательную женщину взяться за такое опасное дѣло, трудно сказать. Примѣръ отца, личное убѣжденіе въ необходимости и законности семейной жизни, желаніе играть замѣтную роль среди столич-

(1) Тамъ же стр. 578.

(2) Тамъ же стр. 608.

ныхъ безпоповцевъ, страсть къ наживѣ безъ особенныхъ трудовъ и заботъ, наконецъ чувство мести правительству, лишившему Карпа Новосадова свободы, — все эти причины вмѣстѣ и каждая порознь могли заставить Марью Карпову взяться за несвойственную ей, весьма смѣлую, но столько же и интересную, роль „въвѣчальника“ въ сарафанѣ. Конечно, не безъ недоумѣній со стороны столичныхъ безпоповцевъ вступила Новосадова въ свою странную профессію; много было пересмотрѣно и перечитано ими разныхъ сборниковъ, кормчихъ, потребниковъ и другихъ книгъ — съ цѣлію узнать, есть ли въ нихъ „древніе примѣры“, которыми можно было бы оправдать законность роли, которую взяла на себя „Марья Карповна“; и хотя подобныхъ примѣровъ не обрѣлось ни въ одной „кожаной“ книгѣ, тѣмъ не менѣе нашлись люди, которые стали обращаться къ Новосадовой за благословіемъ на бракъ. И это неудивительно. Потребность болѣе или менѣе правильной семейной жизни чувствовалась въ это время лучшими безпоповцами такъ сильно, а между тѣмъ отвращеніе къ „вышнему“ (т. е. церковному) въвѣчанію поддерживалось крутыми мѣрами противъ раскола такъ настойчиво, что ревнителямъ старины не казались странностію никакія новости въ ихъ церковной практикѣ. Съ другой стороны въ средѣ, которая „по нуждѣ“ предоставила женщинѣ право не только крестить, но и публично учить (что труднѣе), въвѣчаніе ея браковъ не должно было и не могло составлять явленія необычайнаго. Наконецъ если, какъ проповѣдывали Любопытный, Новосадовъ и другіе, сущность брака состоитъ не въ въвѣчаніи пресвитерскомъ, а во взаимномъ обѣтѣ сочетавающихся — любить другъ друга цѣлую жизнь,

если священникъ, вѣнчающій бракъ, есть, какъ были убѣждены многіе поморцы, не болѣе, какъ свидѣтель этого обѣта, — то не все ли равно, будетъ ли выслушивать „брачащихся глаголы, яко по любви сопрягаются“, Павелъ Любопытный, или эту роль свидѣтеля возьметъ на себя „Марья Карповна“? А къ чтенію „каноновъ“ и другихъ молитвъ, и вообще къ совершенію разныхъ церковныхъ службъ женщинами, раскольникче уxo и раскольничій глазъ давно уже привыкли. Какъ бы то ни было, только Марья Новосадова скоро пріобрѣла въ раскольникчемъ мірѣ извѣстность, а съ нею и „практику“. Къ ней стали обращаться за благословеніемъ на бракъ не только столичные поморцы, но и иногородніе безпоповцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ безпоповецъ Новоладожскаго уѣзда, рѣшившись присоединиться къ св. церкви, подалъ объ этомъ прошеніе преосвященному митрополиту, при чемъ откровенно сознался, что онъ вѣнчался у „Марьи Карповны“, чтó, конечно, не мало изумило архипастыря. На вопросы наши объ этомъ предметѣ, онъ сообщилъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ нарочито пріѣзжалъ въ Петербургъ для вѣнчанія, такъ какъ наставники безпоповщинскіе Новоладожскаго уѣзда въ то время еще отвергали бракъ, что доступъ къ Марьѣ Новосадовой былъ нелегокъ, потому что опасались, какъ бы не узнала о ея продѣлкахъ полиція, что вѣнчаніе совершалось большею частію поздно—вечеромъ, въ квартирѣ Новосадовой, при чемъ молодые приходили въ квартиру пѣшкомъ, какъ простые знакомые; чтеніе нѣкоторыхъ молитвъ и канона и тихое пѣніе молебна — вотъ все, чтó совершала Новосадова для своихъ мнимыхъ знакомыхъ, желавшихъ вступить въ бракъ; разумѣется,

за рискъ и хлопоты она получала приличное вознагражденіе. Мы не знаемъ, какъ много браковъ повѣнчала Марья Карпова, но то несомнѣнно, что не всѣ изъ петербургскихъ поморцевъ, желавшихъ вступить въ бракъ, пользовались ея услугами. Многіе, особенно богачи, привыкшіе все дѣлать на широкую руку и среди разныхъ столкновеній съ „иновѣрцами“ потерявшіе „крѣпость въ вѣрѣ“, находили неприличнымъ для себя отпираться для такого торжественнаго и важнаго въ жизни акта, каково вѣнчаніе, по образу пѣшаго хожденія и, чтобы не уронить своего денежнаго достоинства, ѣздили въ каретахъ для вѣнчанія—въ церкви единовѣрческія. Другіе поступали также изъ опасенія, чтобы изъ квартиры Новосадовой не отправиться невольно въ далекое путешествіе, только не по обычаю заморскихъ нехристей. Само собою разумѣется, что тѣ изъ столичной поморской молодежи, кои по какимъ либо расчетамъ желали породниться съ „никоіанами“, вѣнчались даже въ церквахъ православныхъ. На долю Марьи Новосадовой приходились такимъ образомъ крупныя. Но, вѣроятно, въ силу поговорки, что курица по зернышку глотаетъ, да сыта бываетъ, и Новосадова, не смотря на свое сиротство, жила безбѣдно и прожила до 1863 года. Въ послѣдніе впрочемъ годы своей жизни она перестала вѣнчать браки и занималась чтеніемъ „каноновъ о единоумершемъ“.

Въ то время, какъ Павелъ Любопытный, Карлъ Новосадовъ и др. вѣнчали раскольничьи браки въ Петербургѣ, одинъ изъ насельниковъ Мало-охтенской поморской богадѣльни, не довольствуясь признаніемъ законности брака со стороны нѣкоторыхъ изъ столпныхъ поморцевъ, рѣшился нанести ударъ безбрачію тамъ,

гдѣ поморство всего больше рисовалось своимъ мнимымъ дѣвствомъ, т. е. въ Поморьѣ. Съ этою цѣлю въ 1835 году онъ отправляется въ Олонецкую губернію, извѣстную своимъ знаменитымъ выговскимъ раскольническимъ общежительствомъ, и начинать убѣждать тамошнихъ раскольниковъ въ необходимости и законности брачной жизни (1). Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали успѣхамъ пропагандиста. Въ это время развратъ олонецкихъ поморцевъ и въ частности безпорядки въ Выгорѣцкомъ монастырѣ уже обратили на себя вниманіе правительства. Въ 1836 году, какъ мы уже говорили, Выговскій монастырь былъ лишенъ, по Высочайшему повелѣнію, завѣщаннаго ему петербургскимъ купцомъ Долговымъ дома и другаго недвижимаго имѣнія, и кромѣ того выголексинскимъ старообрядцамъ запрещено было называться отдѣльнымъ *обществомъ* (2). Въ томъ же году, въ слѣдствіе замѣченныхъ въ выговскомъ общежительствѣ разнаго рода безпорядковъ и разврата, послѣдовало распоряженіе между прочимъ о томъ, чтобы олонецкій губернаторъ наблюдалъ чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ за жилищами раскольниковъ и не допускалъ проживать у нихъ бѣглымъ и безпаспортнымъ, — чтобы одинъ изъ становыхъ засѣдателей постоянно жилъ при выгорѣцкомъ общежительствѣ и наконецъ чтобы крестьяне Повѣнецкаго уѣзда, произвольно присвоившіе себѣ „именованіе Выгорѣцкаго общежительства“, сравнены были во всемъ съ

(1) Исгор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 291; по свидѣтельству покойнаго преосв. Игнатія Воронежскаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ олонецкимъ епископомъ, это было въ 1832—3 г. (Бесѣд. о мнѣм. старообр. стр. 379).

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 291; Дѣло департ. общ. дѣл. мин. внутр. дѣл. № 67, 1853 г., л. 104.

прочими казенными крестьянами, и особенно въ употребленіи излишества доходовъ отъ земель и угодій, которыми они владѣли неправильно (¹). Слѣдствіемъ этого послѣдняго распоряженія было то, что выгорѣвшіе раскольники, жившіе въ лѣсныхъ участкахъ, называемыхъ пашенными дворами, переселены были, въ видахъ удобнѣйшаго за ними наблюденія, въ Даниловъ и Лексу, гдѣ надѣлены были законнымъ количествомъ земли, а участки были отданы въ распоряженіе палаты государственныхъ имуществъ, причемъ часовни раскольническія, существовавшія на пашенныхъ дворахъ, были запечатаны и заколочены (²). Въ 1837 году изданы были касательно выгорѣвшихъ общежителствъ новыя слѣдующія распоряженія: 1) наблюдать, чтобы въ раскольническихъ богадѣльняхъ были только престарѣлые и дряхлые, не могущіе трудами своими снискивать себѣ пропитаніе, чтобы безпаспортные тамъ не жили, и впредь не дозволять туда принимать никого изъ людей другихъ губерній; 2) колокола съ раскольническихъ часовень, какъ принадлежности православныхъ церквей, снять и отдать въ ближайшія приходскія церкви; 3) въ часовняхъ, приходящихъ въ совершенную ветхость, не дозволять отправлять богослуженіе, въ предупрежденіе того, чтобы не произошло вреда собирающемуся въ нихъ народу; 4) на раскольническомъ кладбищѣ не дозволять быть моленной и 5) наблюдать, чтобы свисанныя иконы и книги не распространялись внѣ круга жительства раскольниковъ (³),—при чемъ содержаніе богадѣленныхъ возложено было на самихъ раскольниковъ,

(¹) Собр. постанов. по ч. раск. 1858 г. стр. 207—209.

(²) Прав. Обозр. 1866 г. ноябрь, стр. 323.

(³) Собр. постанов. по ч. раск. 1858 г. стр. 244.

если они не хотѣли дать въ нихъ пріюта и православнымъ (1). И хотя представленіе начальника Олонецкой губерніи — 1838 года — признать мѣстныхъ поморцевъ раскольниками *вредными* для общества не было уважено по нѣкоторымъ причинамъ (2), тѣмъ не менѣе въ томъ же году запрещено было приписнымъ выгорѣцкимъ раскольникамъ Данилова и Лексы выдавать паспорта на отлучки безъ особенно уважительныхъ причинъ (3). Впрочемъ такъ какъ большая часть указанныхъ постановленій не исполнялась, или исполнялась неточно и медленно (4), то неудивительно, что „Выгорѣція“, не отвергая брачныхъ союзовъ своихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ мірѣ, сама считала долгомъ, или по крайней мѣрѣ находила выгоднымъ, — рисоваться предъ всѣми своимъ дѣвствомъ. Поэтому женщины и дѣвки, жившія на Лексѣ, а число ихъ доходило въ это время до нѣсколькихъ сотъ, носили черныя рясы, на подобіе монашескихъ, и покрывались такимъ же флеромъ, и въ такой одеждѣ являлись не только въ часовни—на службу, но даже бродили по Олонецкой губерніи, въ особенности по Повѣнецкому уѣзду, отправляли по домамъ требы, погребали умершихъ и своимъ видомъ увлекали на путь безбрачія не только своихъ единомышленницъ по вѣрѣ, но даже православныхъ женщинъ, которыя, считаясь по росписямъ въ своихъ приходскихъ церквахъ по прежнему принадлежащими къ церкви, по прибытіи въ Даниловъ и Лексу, переходили въ расколъ и, оставаясь здѣсь, увеличивали собою число мнимыхъ дѣв-

(1) Прав. Обзор. 1866 г. ноябрь, стр. 228.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 302—4.

(3) Прав. Обзор. стр. 324 и 332.

(4) Тамъ же стр. 325—7.

ственницъ. Мнимыхъ—потому, что, какъ показали разслѣдованія, рѣдкая изъ жившихъ здѣсь дѣвственницъ оставалась чистою отъ блуда. Когда въ 1838 году, по распоряженію олонецкаго губернатора, произведено было медицинское освидѣтельствованіе, тогда открылось, что изъ 40 молодыхъ дѣвицъ только одна по праву носила имя дѣвственницы; а изъ остальныхъ многія даже страдали секретною болѣзнію. Рождавшіяся дѣти отдавались на пропитаніе въ окрестныя деревни и вносились въ ревизскія сказки и метрическія книги подъ именемъ незаконнорожденныхъ, а послѣ поступали въ монастырь; случалось, что новорожденные лишались жизни (1). Развратъ Данилова и Лексы естественно увлекалъ на путь беззаконія и раскольниковъ, жившихъ по селамъ и деревнямъ. При такихъ обстоятельствахъ петербургскому выходцу не трудно было доказать олонецкимъ раскольникамъ, что обязательное для всѣхъ дѣвство, которому учила „Выгорѣція“,—гибельно по своимъ послѣдствіямъ и что для большинства бракъ составляетъ единственное условіе для избѣжанія блуда. И вотъ многіе изъ олонецкихъ раскольниковъ, соскучась развратомъ и видя въ то же время, что за него правительство стало преслѣдовать даже „общежительство“, съ радостію услышали слово въ пользу правильной семейной жизни и стали вступать въ браки, по благословенію „учителя царствующаго града“. Когда же петербургскій проповѣдникъ брачной жизни удалился изъ Олонецкой губерніи въ другія мѣста, нашелся между самими олонецкими поморцами крестьянинъ Повѣнецкаго уѣзда, который сталъ совершать браки посредствомъ молебна (2). И

(1) Прав. Обзор. стр. 330—1 и 334; Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 290—1; Душеп. Чтен. 1864 г., извѣст. и замѣтки, стр. 111.

(2) Бесѣд. о мнѣн. старообр. стр. 365—6 и 374.

хотя, по свидѣтельству преосв. Игнатія воронежскаго, вѣнчаніе браковъ посредствомъ молелна продолжалось въ Олонецкой губерніи не долго, но важно въ настоящемъ случаѣ было то, что законность брачной жизни была признана ближайшими послѣдователями и учениками той самой „Выгорѣцїи“, которая съ небольшимъ сорокъ лѣтъ назадъ возстала противъ Василія Емельянова, какъ нововводителя, и вліяніе которой въ разсматриваемое нами время простиралось почти на всѣ поморскія общины. Узнавъ о принятїи брачной жизни раскольниками Олонецкой губерніи, поморцы и другіихъ мѣстъ Россїи могли не стѣсняться болѣе безбрачіемъ и, по примѣру повѣнецкихъ раскольниковъ, и особенно по примѣру своихъ единовѣрцевъ столичныхъ, могли вступать въ брачные союзы (1).

И дѣйствительно мы видимъ, что въ разсматриваемое нами время между поморцами губерній Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской, такъ называемые, сводные, или безсвященнословные, браки, заключавшіеся по благословенію наставниковъ, или даже только родителей, распространились и усилились до такой степени, что правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, вынужденнымъ нашлось обратить на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе (2). Власть свѣтская, при первомъ извѣстїи о распространенїи въ поморской безпоповщинѣ означенныхъ губерній сводныхъ браковъ, по-

(1) Въ послѣднее время поморцы Олонецкой губерніи не только допустили бракъ, но стали даже пользоваться имъ, какъ средствомъ, къ совращенію въ расколъ православныхъ, обольщая неопытныхъ и молодыхъ сыновъ церкви своими красивыми „Палашами“ (Душен. Чтеніе 1865 г. январь, извѣст. и замѣтки, стр. 28.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, 377, 448, 467 и 495; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 247, 352, 368 и 374.

ступила очень круто. Независимо отъ изданнаго въ 1838 г. постановленія, чтобы мѣстные начальства не дозволяли, „такъ называемымъ, раскольническимъ наставникамъ совершать браковъ, о тѣхъ же, кои изобличены будутъ въ таковыхъ законопреступныхъ дѣйствіяхъ, немедленно доносить“ (1), правительство свѣтское сочло необходимымъ сдѣлать въ 1839 г. слѣдующее распоряженіе: „сводителей браковъ, когда они будутъ слѣдствіемъ обнаружены, предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями; сведенныхъ такимъ образомъ не признавать мужемъ и женою, а приглашать ихъ узаконить бракъ вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, гдѣ совершастся служеніе по старопечатнымъ книгамъ, къ коему они привыкли, объясняя имъ, сколь для нихъ самихъ выгодно сіе дѣйствіе, согласное съ общими государственными установленіями, ибо они чрезъ то пріобрѣтають спокойную жизнь, и дѣти ихъ будутъ пользоваться покровительствомъ закона“ (2). Но потому ли, что мѣстнымъ властямъ было выгоднѣе исполнять не это, а прежнія узаконенія, которыя, какъ мы видѣли, въ совершеніе раскольниками браковъ и другихъ требъ повелѣвали никому не вмѣшиваться, — потому ли, что противъ единовѣрческихъ церквей, въ которыя правительство приглашало поморцевъ вѣнчаться, не только безпоповцы, но и поповцы питали въ это время особенно сильное предубѣжденіе (3), или наконецъ потому, что, по объясненію

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 288.

(2) Тамъ же стр. 350 и 377.

(3) Причины этого нерасположенія раскольниковъ къ единовѣрью изложены были въ 1840 г. настоятелемъ старообрядческаго иргизскаго монастыря, старцемъ Силуаномъ, въ запискѣ, поданной имъ единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ; см. объ этомъ въ нашей брошюрѣ: „нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ“, стр. 94—7.

вышеприведеннаго распоряженія, сдѣланному по поводу возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недоумѣній, какъ сводители браковъ подвергались отвѣтственности только въ томъ случаѣ, когда сами „открывались“ начальству, которое не имѣло права дѣлать „общихъ“ о раскольническихъ бракахъ „розысканій, обременительныхъ для него и для подчиненныхъ“, такъ и сведенные только не признавались супругами, не подвергаясь за свой безсвященнословный союзъ никакому дальнѣйшему „преслѣдованію, которое вдругъ потрясло бы многія семейства“, и притомъ не признавались супругами только тогда, „когда о нихъ дойдетъ до судебного мѣста“ (1), а раскольники, какъ извѣстно, умѣютъ вести свои дѣла такъ, что рѣдко возбуждаютъ „слѣдствія“, — по чему бы то ни было, только, и послѣ изданія въ 1839 г. изложеннаго выше распоряженія „о мѣрахъ къ прегражденію распространенія сведенія между раскольниками незаконныхъ браковъ“, безсвященнословныя сопряженія между поморцами указанныхъ выше губерній не прекращались.

„Находя, что съ распространеніемъ лжеученія о сведеніи браковъ поселяется между раскольниками развратъ и незаконная жизнь“, и въ то же время не надѣясь много не привлекательную силу единовѣрія, правительство 23 января 1845 г. „предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ прекращать тѣ дѣла о сводныхъ раскольническихъ бракахъ, по коимъ подсудимые изъявляютъ согласіе на браковѣчаніе въ св. церкви“ (2); а это значило, что, вмѣсто заключенія браковъ по благословенію паставниковъ, власть приглашала поморскихъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 367—9.

(2) Тамъ же стр. 148.

безпоповцевъ вступать въ брачные союзы съ благословенія пастырей православной церкви. И хотя еще прежде 1845 г. власть церковная, какъ увидимъ послѣ, прежнее свое узаконеніе, требовавшее отъ раскольниковъ, желавшихъ повѣнчаться въ церкви, предварительнаго присоединенія къ ней (1), отмѣнила и позволила вѣнчаться не только поповцевъ, но и безпоповцевъ, безъ всякихъ ограничительныхъ условій (2), но потому ли, что это разрѣшеніе дѣлалось тайно и раскольники его не знали, или потому, что вѣнчаніе въ православныхъ церквахъ и безъ присоединенія многіе изъ заблуждающихъ находили „засорнымъ для совѣсти“, — только и послѣ 1845 года большинство поморцевъ вышеуказанныхъ губерній продолжало вступать въ браки по своимъ обрядамъ. Это упорство заблуждающихъ вызвало правительство на болѣе рѣшительныя мѣры. 15 марта 1847 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе такого рода: „впредь до постановленія общихъ правилъ относительно сводныхъ браковъ раскольниковъ въ разрѣшеніи дѣлъ объ оныхъ руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 28 ноября 1839 г., подвергая суду и наказанію, на основаніи 1-го пункта сего повелѣнія, только сводителей браковъ, а прочихъ, участвовавшихъ въ томъ, лицъ подчинять духовнымъ увѣщаніямъ и назиданіямъ“ (3). Это распоряженіе, подвергавшее суду и наказанію сводителей браковъ, оставляло, по видимому, въ покоѣ вступавшихъ въ сводные браки; но на самомъ дѣлѣ и послѣдніе не изъяты были отъ отвѣтственности. Того же года, мѣсяца и числа послѣдовалъ другой указъ „о мѣ-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 241—2.

(2) Тамъ же стр. 380—1, 387—8.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 497.

рахъ къ прекращенію сводныхъ браковъ“, въ которомъ повелѣвалось: „дозволить владѣльцамъ отдавать съ разрѣшенія начальника губерніи въ рекруты въ зачетъ по наборамъ крестьянъ ихъ, состоящихъ подъ судомъ за вступленіе въ сводные браки“ (1). Мѣра эта, касавшаяся сперва одной Пермской губерніи, въ скоромъ времени (22 іюля 1847 г.) распространена была и на другія губерніи—Тобольскую, Вятскую и Оренбургскую (2)—съ такимъ дополненіемъ, что за сводный бракъ имѣли право попасть въ рекруты не только вступившіе въ такой бракъ, но и прочія, участвовавшія въ томъ, лица, напр. родители сведенныхъ, свидѣтели сведенія и проч. Такія распоряженія „къ прекращенію сводныхъ браковъ“, вѣроятно, были гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ училища, которыя указомъ 15 марта 1847 г. предписывалось учреждать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существовали сводные браки, и которыя, разумѣется, никогда не посѣщались раскольниками, если, что сомнительно, и были учреждаемы.

Таковы были дѣйствія власти свѣтской относительно безсвященнословныхъ браковъ поморцевъ, находившихся въ губерніяхъ Пермской, Оренбургской, Тобольской и Вятской. Что же касается власти церковной, то она старалась и могла дѣйствовать на заблуждающихъ только путемъ убѣжденія и вразумленія. Изъ распоряженій ея, касавшихся раскольниковъ указанныхъ губерній и имѣвшихъ цѣлю прекращеніе успившихся между ними сводныхъ браковъ, намъ извѣстны слѣдующія. Если лица, вступившія въ бракъ по обрядамъ поморской секты, присоединялись къ православію, св. синодъ по-

(1) Тамъ же стр. 408.

(2) Тамъ же стр. 485.

ручалъ мѣстному епархіальному начальству убѣждать присоединившихся „къ повѣчанію вновь по церковному чиноволоженію“ (1). Если же изъ подобной четы изъявляла желаніе присоединиться къ церкви только одна половина, а другая оставалась въ расколѣ, въ такомъ случаѣ прежній бракъ, какъ незаконный, расторгался и сторонѣ, присоединившейся къ православію, давалось право вступить въ новый бракъ съ лицомъ православнаго исповѣданія, „съ порученіемъ духовному отцу“ новоприсоединеннаго „очистить совѣсть его приличнымъ покаяніемъ“ (2). Когда нѣкоторые изъ поморцевъ Вятской губерніи изъявили въ 1833 г. желаніе вѣнчаться въ церквахъ православныхъ и мѣстный преосвященный увѣдомилъ объ этомъ св. синодъ, послѣдовало со стороны его опредѣленіе, которымъ дозволялось „допускать“ раскольниковъ къ вѣчанію въ православныхъ церквахъ, но не иначе, какъ послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію „установленнымъ образомъ“ (3), хотя еще въ 1777 г. св. синодомъ было разрѣшено вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церквахъ безъ всякихъ ограниченій, „по довольномъ только о обращеніи ихъ отъ расколу увѣщаніи“ (4). Само собою разумѣется, что ограниченіе, съ какимъ церковная власть дозволяла приходскимъ священникамъ Вятской губерніи вѣнчать раскольничьи браки, не веда ни къ чему доброму, только усиливало распространеніе между вятскими поморцами безсвященнословныхъ браковъ. И дѣйствительно въ сентябрѣ 1840 г. вятскій

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 247.

(2) Тамъ же стр. 358 — 370, 531 — 2 свес. Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 331.

(3) Собр. постанов. по ч. раск. 1830 г. кн. 2, стр. 254 — 6.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 1, стр. 694.

преосвященный доносилъ св. синоду, что въ „мясоостіе по Рождествѣ Христовѣ того года между раскольниками поморской секты, въ Полинскомъ уѣздѣ, заключено было весьма много брачныхъ сопряженій со всею торжественностію, соблюдаемою въ подобныхъ случаяхъ православными крестьянами“. При этомъ преосвященный спрашивалъ св. синодъ: „можно ли, въ случаѣ согласія раскольниковъ на браковѣчаніе въ единовѣрческой церкви, допустить сіе безъ присоединенія ихъ къ оной по чиноположенію, предоставивъ будущему времени сближеніе ихъ съ нею“. Въ разрѣшеніе такого представленія, св. синодъ далъ знать преосвященному секретнымъ указомъ отъ 23 сентября того же года, что „приходскіе священники его епархіи могутъ и должны убѣждать раскольниковъ, при удобныхъ случаяхъ, освящать таинство браковъ своихъ вѣчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ и, въ случаѣ согласія ихъ на то, совершать надъ ними браковѣчаніе, не простирая къ нимъ дальнѣйшихъ требованій“ (1). Дано было знать „секретнымъ указомъ“, вѣроятно, потому, что въ Высочайшемъ повелѣніи 28 ноября 1839 г. было сказано только о томъ, чтобы приглашать раскольниковъ узаконять ихъ браки вѣчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, а о томъ, требовать ли отъ нихъ при этомъ присоединенія къ единовѣрцію, или не требовать, не было сказано ни слова; да и послѣ вопросъ этотъ свѣтская власть видимо обходила (2), до самаго 1847 г. (3). Въ томъ же 1840 г. разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ поморской секты въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 374.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 385—6.

(3) Тамъ же стр. 502.

предварительнаго присоединенія ихъ къ единовѣрью, дано было св. синодомъ преосвященнымъ пермскому и оренбургскому (1). А когда въ 1841 г. преосвященный вятскій, въ слѣдствіе безуспѣшности сдѣланныхъ имъ, на основаніи указа св. синода отъ 23 сентября 1840 г., увѣщаній раскольникамъ о совершеніи ими браковъ въ церквахъ единовѣрческихъ, испрашивалъ у св. синода разрѣшенія на браковѣнчаніе раскольниковъ въ церквахъ православныхъ, безъ отобранія отъ нихъ узаконенныхъ обязательствъ быть твердыми въ правовѣрїи и съ раскольниками согласія не имѣть, св. синодъ, въ разрѣшеніе сего представленія, далъ знать преосвященному секретнымъ приказомъ отъ 14 мая того же 1841 года, *для собственнаго его руководства*, что, въ предотвращеніе самочинныхъ и незаконныхъ сопряженій между раскольниками, онъ можетъ допустить вѣнчаніе, по ихъ требованіямъ, въ православныхъ церквахъ, на тѣхъ основаніяхъ, какія изъяснены въ указѣ св. синода отъ 23 сентября 1840 года (т. е. безъ присоединенія), не давая однакоже гласности сему разрѣшенію и обязавъ духовенство соблюдать, по возможности, всѣ предбрачныя предосторожности и вносить брачущихся въ особенныя для подобныхъ браковъ метрическія тетради (2). И хотя представленіе вятскаго преосвященнаго св. синоду было вызвано просьбою о повѣнчаніи въ церкви православной, безъ присоединенія къ ней, раскольниковъ-*поповцевъ*, тѣмъ не менѣе можно думать, что разрѣшеніе св. синода простиралось и на раскольниковъ-*безпоповцевъ*; такъ какъ, по суду церковной власти, вѣ-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383—4; свес. Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 403—4.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 381.

церковные браки тѣхъ и другихъ раскольниковъ—одинаково незаконны и браки поморцевъ, если они заключались въ церкви православной, хотя бы безъ предварительнаго присоединенія къ ней вѣнчавшихся, не расторгались св. синодомъ и въ прежнее время—въ той мысли, что вѣнчавшіеся подобнымъ образомъ безпоповцы „не только дѣлались участниками церковныхъ молитвъ, при семъ таинствахъ совершаемыхъ, но и сближались съ истинными христіанами“ (1). Впрочемъ недоумѣнія, по поводу приведеннаго указа св. синода, если и могли возникнуть, за то не могли продолжаться далѣе 1842 г. Когда въ этомъ году оренбургскій преосвященный, изъяснивъ въ рапортѣ своемъ св. синоду, что раскольники Челябинскаго уѣзда, города Стерлитамака, на убѣжденія приходскихъ священниковъ освящать браки свои вѣнчаніемъ въ единовѣрческихъ церквахъ, изъявили желаніе узаконять оныя въ православныхъ, испрашивая на это разрѣшенія св. синода, присовокупивъ при этомъ, 1) что большая часть раскольниковъ противъ совершенія православными священниками бракосочетанія надъ взрослыми не имѣла и не имѣетъ предубѣжденія, 2) что иные живутъ отъ единовѣрческихъ церквей въ разстояніи 300 верстъ и болѣе, 3) что раскольники, заимствуясь христіанскими требами отъ православныхъ священниковъ, вслѣдствіе убѣжденій послѣднихъ, часто входятъ въ совершенное общеніе съ св. церковію, и наконецъ 4) что раскольники держатся нелѣпныхъ заблужденій не столько потому, что ими совершенно связана ихъ совѣсть, сколько потому, что ихъ гордость льститъ самоуправство,—св. синодъ и ему

(1) Тамъ же стр. 101—3.

также, какъ преосвященному вятскому, дать знать секретнымъ указомъ, для собственнаго его руководства, что, въ предотвращеніе самочинныхъ и незаконныхъ сопряженій между раскольниками, онъ можетъ допустить вѣнчаніе ихъ въ православныхъ церквахъ на тѣхъ основаніяхъ, какія изъяснены въ указѣ св. синода къ нему, преосвященному, отъ 23 декабря 1840 г. за № 77 (т. е. не требуя отъ раскольниковъ предварительнаго присоединенія къ церкви), не давая однакоже гласности сему разрѣшенію и обязавъ духовенство соблюдать, по возможности, всѣ предбрачныя предосторожности и вносить брачущихся въ особенныя для подобныхъ браковъ тетради (1). Здѣсь не сказано прямо, какіе раскольники больше желали вѣнчаться въ православныхъ, чѣмъ единовѣрческихъ, церквахъ; но, имѣя въ виду то обстоятельство, что разрѣшеніе вѣнчаться въ единовѣрческихъ церквахъ было дано оренбургскимъ раскольникамъ-*безноповцамъ*, вступавшимъ въ, такъ называемые, сводные браки (2), необходимо допустить, что и позволеніе вѣнчаться въ церквахъ православныхъ было дано св. синодомъ имъ же. Замѣчательна осторожность, съ какою св. синодъ давалъ епархіальнымъ архіереямъ разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ церквахъ— безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію. Указы даются преосвященнымъ только „для ихъ собственнаго руководства“, и притомъ съ оговоркой— „не предавать ихъ гласности“, и самые браки повелѣвалось записывать не въ общія метрики, а въ особыя тетради. Но эта осторожность объясняется тѣмъ, что позволеніе вѣнчать раскольниковъ въ православ-

(1) Тамъ же стр. 387—8.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, 357 и 448.

ныхъ церквахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, съ одной стороны противорѣчило прежде изданнымъ распоряженіемъ по этому вопросу, и особенно указамъ 31 мая 1772 г. и 21 марта 1736 г., которые подтверждались въ 1830 (1) и даже въ 1833 г. (2).—съ другой—было несогласно со взглядомъ на этотъ предметъ свѣтской власти, которая предписывала, чтобы раскольники, вступающіе между собою въ бракъ и желающіе вѣнчаться въ православной церкви, были обязываемы, предъ вѣнчаніемъ, „пребывать въ православіи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть“ (3). Простиралось ли секретное разрѣшеніе св. синода—вѣнчать поморцевъ въ православной церкви, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію, и на епархіи Пермскую и Тобольскую, въ которыхъ также, какъ въ губерніяхъ Вятской и Оренбургской, особенно усилились въ разсматриваемое нами время сводные браки,—мы не знаемъ; но, судя по тому, что такое разрѣшеніе давалось св. синодомъ только вслѣдствіе особенныхъ представленій мѣстныхъ епархіальныхъ начальниковъ, признававшихъ подобную мѣру необходимою по мѣстнымъ условіямъ, можно думать, что указанное распоряженіе не составляло общей мѣры къ прекращенію сводныхъ браковъ во всѣхъ означенныхъ губерніяхъ, а ограничивалось только епархіями вятскою и оренбургскою; хотя, какъ мы видѣли, позволеніе вѣнчать раскольниковъ, безъ присоединенія, въ церквахъ единовѣрческихъ было дано св. синодомъ и преосвященному

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. вн. 2, стр. 242.

(2) Тамъ же стр. 254—6.

(3) Тамъ же стр. 383.

пермскому и даже, кажется, тобольскому (1), хотя послѣднему дано было такое разрѣшеніе властію свѣтскою. Наконецъ послѣднее распоряженіе церковной власти относительно безсващеннословныхъ браковъ поморцевъ, усилившихся въ царствованіе Императора Николая въ указанныхъ выше губерніяхъ, относится къ 1851 г. и состояло въ томъ, что св. синодъ былъ вынужденъ въ это время умѣрять ревность нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ, не хотѣвшихъ сводные браки поморцевъ называть даже браками и усвоившихъ имъ самыя странныя наименованія (2).

Мы не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, на сколько достигало цѣли распоряженіе св. синода—о вѣнчаніи раскольниковъ въ церквахъ православныхъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію,—распоряженіе, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что раскольники не хотѣли вѣнчаться въ церквахъ единовѣрческихъ, но знаемъ, что и послѣ этого распоряженія церковной власти многіе поморцы, напр. Вятской губерніи, вступали въ сожительство съ избранными ими женщинами безъ всякаго браковѣчанія, и при этомъ перѣдко брали себѣ въ сожительство дѣвицы, рожденныхъ и воспитанныхъ въ православіи и единовѣрціи. Мало этого: указанное распоряженіе власти не встрѣчало себѣ сочувствія даже въ нѣкоторыхъ начальникахъ тѣхъ епархій, которыхъ оно касалось. Такъ относился къ нему напр. покойный вятскій преосвященный Евлидифоръ, которому хотѣлось, чтобы „раскольникамъ, согласившимся принять таинство брака по чину церковному, преподавалось оное не ина-

(1) Собр. поств. по ч. раск. 1858 г. стр. 350, слѣд. стр. 502.

(2) Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кв. 2, стр. 498—500.

че, какъ съ обязательствомъ присоединиться къ св. церкви и дѣтей воспитывать въ православіи, или единовѣрїи¹⁾, и который даже заявлялъ (въ 1852 г.) о своемъ желаніи св. синоду, разумеется, не согласившемуся съ мнѣніемъ преосвященнаго (1).

Все, что мы говорили доселѣ о распространеніи въ поморской безпоповщинѣ брачной жизни и о мѣрахъ власти противъ безсвященнословныхъ браковъ раскольническихъ, относится къ губерніямъ Пермской, Тобольской, Оренбургской и Вятской. Но это были не единственные мѣстности, гдѣ въ разсматриваемое нами время было принято поморцами и осуществлялось на дѣлѣ ученіе Покровской часовни о необходимости и законности брака. Такъ, или иначе, т. е. съ благословенія наставниковъ, или только родителей, или даже съ благословенія пастырей православной церкви, вступали въ это время въ брачные союзы и поморцы другихъ губерній, и даже въ немаломъ числѣ. Такъ изъ указа 11 марта 1838 года, которымъ предписывалось начальству тульского завода „наблюдать, чтобы, такъ называемые, раскольничьи наставники не совершали браковъ“ (2), видно, что между тульскими безпоповцами были въ это время лица, которыя вступали въ браки, по благословенію своихъ наставниковъ. А поморцы костромской губерніи брали себѣ въ жены дѣвокъ съ согласія только родителей, отъ чего назывались „самокрутами“, и поступали такъ, по примѣру своихъ единовѣрцевъ вятской губерніи (3). Изъ Высочайшаго повелѣнія 16 ноября 1847 года—„въ видѣ временной мѣры, впредь до постановленія общихъ правилъ о раскольничьихъ бра-

¹⁾ Тамъ же стр. 514—517.

²⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 288.

³⁾ Кельсиев. выш. II, стр. 19; выш. IV, стр. 300.

вахъ, распространить и на черниговскую епархію силу Высочайшаго повелѣнія 28 ноября 1839 года“ о сводныхъ бракахъ раскольниковъ Tobольской и Пермской губерній, можно заключить, что и поморцы черниговской губерніи прилагали къ дѣлу ученіе Сергѣева, Любопытнаго и др. и вступали въ, такъ называемые, сводные, или безсвященнословные, браки (1). Были и такіе примѣры, что нѣкоторые поморцы черниговской губерніи вѣнчались даже у бѣглыхъ поповъ (2). На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно думать, что нѣкоторые и изъ саратовскихъ поморцевъ признали въ это время семейную жизнь необходимою и законною (3), хотя большинство, отвергая бракъ, считалось дѣвственниками, понимая подъ дѣвствомъ право—имѣть связь съ цѣломудренною дѣвицею, до прижитія съ нею ребенка, и потомъ бросать ее, чтобы брать на ложе новую — дѣвственную же (4). Въ подольской губерніи, какъ видно изъ дѣла старообрядца города Лигина Устина Шумскаго, также были безпоповцы, которые обзаводились семьей, хотя и на незаконныхъ началахъ (5). Тѣже явленія происходили въ губерніяхъ симбирской и саратовской; здѣсь поморцы вступали въ браки по благословенію родителей (6). Въ землѣ Войска Донскаго многіе поморцы, или, какъ сказано въ запискѣ, внесенной (въ 1841 году) въ секретный комитетъ покойнымъ графомъ Клейнмихелемъ, „раскольники безпоповщинской

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502; свес. стр. 519.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 509—512.

(3) Тамъ же стр. 251; свес. стр. 328.

(4) О раск. въ саратовской губ., рукоп. библ. покойнаго митроп. Григорія, стр. 13—14.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 341—3.

(6) Истор. мнн. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 543.

секты“, также вступали въ браки, и притомъ нѣкоторые вѣнчались въ православныхъ церквахъ—черезъ православныхъ священниковъ, и даже—безъ предварительнаго присоединенія къ церкви (1), хотя свѣтская власть и была недовольна такимъ порядкомъ вещей. Въ 1842 году были получены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири свѣдѣнія, что въ Забайкальскомъ краѣ было заключено раскольниками болѣе 800 сводныхъ браковъ „безъ всякаго порядка и чина“, которые притомъ, согласно заключенію Иркутскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, были оставлены безъ судебного преслѣдованія (2). А въ архангельской губерніи многіе безпоповцы поморскаго толка вступали въ браки не только между собою, но даже съ лицами православнаго исповѣданія, и притомъ не только свѣтскими, но и духовными, при чемъ раскольники, разумѣется, вѣнчались въ православныхъ храмахъ, иногда послѣ предварительнаго присоединенія къ церкви, большею частію неискренняго, а иногда и безъ присоединенія (3),—вопреки указу св. сѣнода отъ 7 августа 1836 года, которымъ требовалось, чтобы „браки раскольниковъ съ православными лицами совершаемы были въ православной церкви православными священниками не прежде, какъ по совершенномъ присоединеніи раскольническаго лица къ православію“ (4). Подобные же смѣшанные браки заключались и въ другихъ мѣстахъ (5). А нѣкоторые изъ безпоповцевъ, хотя всту-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 382—3.

(2) Тамъ же стр. 385—6.

(3) Тамъ же стр. 359—361; снес. стр. 471.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 185 и 219; снес. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383.

(5) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 554; Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 166—7; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 382.

пали въ браки съ лицами, принадлежавшими къ православію, или единовѣрью, но вѣнчались не въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ, а въ своихъ домахъ и часовняхъ, при посредствѣ своихъ наставниковъ, „безъ всякаго чина и порядка“, по выраженію одной официальной бумаги (').

Само собою разумѣется, что всѣ указанная безпорядочныя явленія, совершавшіяся въ безпоповщинскомъ расколѣ поморскаго толка, такъ или иначе дѣлались извѣстными власти; а когда, съ начала сороковыхъ годовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось, для изученія раскола, разсылать по губерніямъ своихъ чиновниковъ, — объ усиленіи въ поморской безпоповщинѣ брачныхъ союзовъ въ разныхъ формахъ и видахъ правительство стало получать свѣдѣнія болѣе подробныя и обстоятельныя, которыя наконецъ убѣдили его, что, такъ называемые, сводные браки раскольниковъ не составляли какой либо особенности губерній Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской, а были обыкновеннымъ въ то время явленіемъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ существовалъ поморскій расколъ, и что слѣдовательно, независимо отъ „временныхъ мѣръ“, которыми власть до того времени старалась остановить усиленіе въ безпоповщинѣ незаконныхъ брачныхъ союзовъ и которыя состояли въ томъ, что позволеніе—вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ единовѣрью, распространено было и на нѣкоторыя другія губерніи, кромѣ вышеуказанныхъ, напр., на черниговскую и новочеркас-

(') Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 185; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 385—6.

скую (1), — необходимы еще общія постановленія къ ограниченію зла. Какія же общія правила издало правительство — съ цѣлію пресѣчь по возможности, такъ называемые, сводные раскольничьи браки, усилившіеся въ разсматриваемое нами время между поморцами почти всѣхъ губерній? Правиль этихъ было немного, но за то они были очень суровы.

Въ 1850 году назначена была 9 народная перепись. Когда, при производствѣ этой переписи, „возникъ со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ губерній вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниками въ браки по обрядамъ ихъ сектъ, и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ“, — Государь Императоръ, 10 іюня 1850 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ слѣдующее: „женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлющихъ священство, показывать таковыми въ ревизскихъ сказкахъ, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ. не требуя въ семъ случаѣ другихъ доказательствъ о дѣйствительности браковъ тѣхъ женщинъ и о законности происхожденія дѣтей ихъ; въ отношеніи раскольниковъ безпоповщинской секты, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, то таковыхъ дѣтей, на основаніи тѣхъ же полицейскихъ свидѣтельствъ, или обывательскихъ книгъ, показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ, по случаю отверженія ими брака, женами раскольниковъ безпоповщинской секты *не записывать*, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 502; Собр. пост. по ч. раск. 1850 г. кн. 2, стр. 383—4.

которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію“ (1). Что постановленіе это имѣло въ виду не только еедосѣвцевъ, отвергавшихъ брачную жизнь, но и поморцевъ, вступавшихъ въ, такъ называемые, сводные браки, — и даже преимущественно послѣднихъ, это видно изъ того, что распоряженіе о непризнаніи женщинъ, сожительствовавшихъ съ еедосѣвцами безъ всякихъ формальныхъ договоровъ, женами и дѣтей ихъ законными было сдѣлано еще въ 1846 и затѣмъ повторено въ 1847 году (2). Съ другой стороны, когда, при исполненіи Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года, возникъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вопросъ, какъ показывать по 9 народной переписи сожительницъ раскольниковъ безпоповщинской секты, „которыя по 8 ревизіи были показаны въ семействахъ названныхъ мужей своихъ женами ихъ“, — а такъ записаны были по преимуществу жены поморцевъ, — 8 декабря того же 1850 года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ „всѣхъ женщинъ, блудно жившихъ съ раскольниками безпоповщинскаго толка, опредѣлено было вносить въ сказки 9 переписи на точномъ основаніи повелѣнія 10 іюня 1850 года, т. е. не записывая женщинъ сихъ женами сказанныхъ раскольниковъ, вносить ихъ въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію“ (3). Предположенію нашему, что Высочайшее повелѣніе 10 іюня 1850 года простиралось и на поморцевъ, по видимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что въ немъ рѣчь идетъ о раскольникахъ безпоповщинской секты, „кои бракъ вовсе отвергали“, между тѣмъ какъ о помор-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 537—8.

(2) Тамъ же стр. 461 и 492—3.

(3) Тамъ же стр. 550.

цахъ правительство до 1850 года выражалось, что они „пріемлютъ бракъ“ (1) или по крайней мѣрѣ „не совсѣмъ отвергають“ его (2), и на этомъ основаніи считало ихъ не особенно вредными, какими признавало еедосѣвцевъ, а только просто вредными (3); мало этого: въ 1839 году, правительство прямо заявило, что, по его суду, незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія (4), между тѣмъ какъ жены поморцевъ сожительствовали своимъ мужьямъ по правиламъ своихъ вѣрованій, такъ какъ вступали съ ними не въ баудъ, а въ бракъ, только безсвященнословный—„по обрядамъ своей секты“,—и слѣдовательно считать дѣтей поморцевъ незаконнорожденными значило противорѣчить прежде изданнымъ постановленіямъ. Но подобныхъ противорѣчій въ дѣйствіяхъ власти относительно заблуждающихъ въ прошлое время было не мало, и они показываютъ только то, что правительство до самаго послѣдняго времени въ отношеніяхъ своихъ къ раскольникамъ дѣйствовало, по собственному его признанію, не на основаніи какихъ либо *точныхъ* началъ и строго опредѣленной системы (5), а примѣнительно къ обстоятельствамъ, и поэтому большею частію прибѣгало къ, такъ называемымъ, „временнымъ мѣрамъ“ (6), которыя потомъ и отмѣняло, если видѣло, что онѣ не приносятъ ожидаемой пользы. Такъ поступила власть и въ настоящемъ случаѣ. Признавъ—и справедливо,—

(1) Тамъ же стр. 66 и 410.

(2) Тамъ же стр. 247.

(3) Тамъ же стр. 302—3 и 410.

(4) Тамъ же стр. 343.

(5) Тамъ же стр. 245 и 343.

(6) Тамъ же стр. 502.

что безсвященнословныя браки поморцевъ лучше и чище безбрачнаго разврата едосѣвцевъ, она даетъ первымъ право вступать въ сожителства „по обряду своей ереси“, запрещаетъ мѣстнымъ властямъ вмѣшиваться въ это дѣло и даже позволяетъ записать женъ и дѣтей поморцевъ въ ревизскія сказки, во время 8 народной переписи, какъ законныхъ. А потомъ когда поморцы, пользуясь этою снисходительностію правительства, стали вступать въ браки по обрядамъ своихъ вѣрованій „съ всею торжественностію, соблюдаемою въ подобныхъ случаяхъ православными крестьянами“ (1), или другими словами: „гласно“, чего правительство не позволяло (2), и притомъ нерѣдко ссылались въ защиту своихъ дѣйствій на слова закона,—власть измѣнила свой взглядъ на безсвященнословныя брачныя союзы поморцевъ и, признавъ въ нихъ „развратъ и незаконную жизнь“ (3), нашла нужнымъ принять противъ сводныхъ браковъ мѣры—сперва временныя и различныя для разныхъ губерній, а за тѣмъ и общія, состоявшія въ томъ, что брачившіеся по своимъ обрядамъ поморцы сравнены были съ отвергавшими бракъ едосѣвцами. Какъ бы впрочемъ ни было, только съ 1850 года, жены поморцевъ были лишены этого названія, и дѣти ихъ признаны незаконнорожденными. И это распоряженіе власти простиралось не на тѣхъ только поморцевъ, кои вступили въ безсвященнословныя супружества послѣ того, какъ правительство объявило себя противъ подобныхъ союзовъ, т. е. послѣ 1839 года, но и на тѣхъ, коихъ сводные браки были заключены прежде, когда

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 374.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 161, 378 и др.

(3) Тамъ же стр. 350.

власть позволяла раскольникамъ вѣнчаться по своимъ обрядамъ, и коихъ жены и дѣти, по 8 ревизіи, причислены были къ семействамъ своихъ мужей и отцевъ, какъ законныя. И хотя распоряженіе 10 іюня 1850 г. было несогласно съ прежде изданными узаконеніями, тѣмъ не менѣе власть очень настойчиво требовала его исполненія, уполномочивая начальниковъ губерній, въ случаѣ, если бы раскольники вышли изъ повиновенія, „принимать противъ нихъ надлежащія мѣры“ (1). А это значило, что рассчитывать теперь заблуждающимъ на снисходительность мѣстныхъ начальствъ было неудобно. Что же оставалось дѣлать поморцамъ при такихъ обстоятельствахъ? Тѣмъ, которые уже находились въ сводныхъ бракахъ, оставалось одно изъ двухъ: или, скрѣпя сердце, подчиняться правительству и, по его указанію, узаконять свои браки вѣнчаніемъ въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 года, „дѣти тѣхъ сектаторовъ, кои повѣнчались въ св. церкви и дадутъ обязательство воспитывать ихъ въ правилахъ истинной вѣры, признавались законными безъ различія, рождены ли они были до вѣнца, или послѣ“ (2), — или, не вѣнчаясь вновь, — присоединяться вмѣстѣ съ дѣтьми къ православію, или единовѣрію, такъ какъ, 15 мая 1852 года, было Высочайше повелѣно — принять на будущее время за правило, „что ежели раскольникъ безпоповщинской секты, живущій съ своею единомысленицею безъ брака и прижившій съ нею дѣтей, приметъ православіе, или единовѣріе, и съ нимъ вмѣстѣ присодвигается нѣкоторыя изъ дѣтей его, хотя бы сожитель-

(1) Тамъ же стр. 546.

(2) Тамъ же стр. 552.

ствующая съ нимъ женщина и другія дѣти оставались въ расколѣ, или ежели раскольница той же секты, живущая съ раскольникомъ оной безъ брака и прижившая съ нимъ дѣтей, обратится въ православіе, или единовѣріе, и съ нею присоединятся нѣкоторыя изъ ея дѣтей, хотя бы сожительствующій съ нею раскольникъ и другія дѣти оставались въ расколѣ, то въ сихъ случаяхъ дѣтей обратившагося въ св. вѣру раскольника, или раскольницы, которыя съ ними присоединятся къ св. церкви, признавать законными“ (1). Было, впрочемъ, и еще средство дѣтямъ поморцевъ и всѣхъ вообще безповцевъ, рожденнымъ въ сводныхъ бракахъ, приобрести названіе и права законныхъ дѣтей. Это средство состояло въ обращеніи ихъ къ церкви, помимо воли родителей, или даже „по смерти одного или обоихъ родителей“ (2), хотя неизвѣстно, могли-ль они въ этомъ случаѣ дѣлаться наследниками имѣнія родительскаго, такъ какъ, по прежнимъ постановленіямъ, дѣти раскольниковъ, присоединившіяся къ православію, могли получить родительское достояніе только съ согласія на это родителей (3). Что же касается женъ поморцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, то объ нихъ не было издано особыхъ постановленій, которыми бы опредѣлялись условія, необходимыя для признанія ихъ законными женами, — такъ, что напр. неизвѣстно, считалась ли законною женою женщина, сводный мужъ которой съ дѣтьми присоединился къ церкви и которая сама оставалась въ расколѣ и продолжала сожительствовать съ своимъ прежнимъ другомъ, или наоборотъ — признавалась ли

(1) Тамъ же стр. 561—8; смес. стр. 574.

(2) Тамъ же стр. 567.

(3) Тамъ же стр. 168—9.

законною женою поморца сожительствовавшая съ нимъ безъ повѣнчанія женщина, обратившаяся за тѣмъ въ православіе, или единовѣріе. Впрочемъ, такъ какъ женщины, находившіяся въ безбрачномъ сожитіи съ раскольниками, отъ непризнанія ихъ незаконными тѣряли немного, такъ какъ, съ другой стороны, не смотря на приписку ихъ къ семействамъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію, жить имъ позволено было при мужьяхъ (1), то недостатокъ точныхъ и определенныхъ постановленій объ этомъ предметѣ не могъ быть особенно ощутителенъ.

Наконецъ, что касается поморцевъ, которые до Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года, не были женаты и желали бы обзавестись семьей уже послѣ, то имъ, если они не хотѣли подвергаться разнаго рода непріятностямъ и лишать дѣтей своихъ правъ и преимуществъ, какими пользуются законнорожденные дѣти, не оставалось ничего болѣе, какъ вѣнчаться въ церквахъ православныхъ, или единовѣрческихъ. На какихъ условіяхъ съ 1850 года, поморцы могли вѣнчаться у православныхъ и единовѣрческихъ священниковъ, т. е. послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, или безъ присоединенія, — мы не знаемъ. Судя по тому, что тѣмъ изъ нихъ, кои узаконяли свои прежніе сводные браки благословеніемъ церкви, позволено было вѣнчаться безъ присоединенія, — иначе не для чего было бы брать отъ нихъ „обязательство воспитывать дѣтей въ правилахъ истинной вѣры“, — что вѣнчаться въ церквахъ единовѣрческихъ, безъ предварительнаго присоединенія къ церкви, дозволено было поморцамъ свѣтскимъ правитель-

(1) Тамъ же стр. 551.

ствомъ еще въ 1847 (1), или даже въ 1841 г. (2), что наконецъ нѣкоторые епархіальные начальники уже послѣ 1850 года входили въ св. синодъ съ представленіями о томъ, чтобы „раскольникамъ, согласившимся принять таинство брака по чину церковному, преподавать оное не иначе, какъ съ обязательствомъ присоединиться къ св. церкви и дѣтей воспитывать въ православіи, или еднновѣрціи“, и представленія эти не были уважены церковною властію (3), можно думать, что и поморцамъ, вступавшимъ въ браки послѣ 1850 г., было дозволено вѣнчаться въ православныхъ, или еднновѣрческихъ, церквахъ безъ всякихъ оградченій. Имѣя же въ виду то обстоятельство, что, какъ показали послѣдствія, цѣлю правительства, издавшаго постановленіе о незаконности женъ и дѣтей поморцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, было не столько то, чтобы этимъ заставить ихъ только вѣнчаться въ православныхъ церквахъ, сколько то, чтобы побудить ихъ совершенно обратиться къ православію (4), что, разрѣшая въ прежнее время вѣнчать раскольниковъ въ еднновѣрческихъ церквахъ безъ присоединенія, правительство свѣтское въ то же самое время требовало—при вѣчаніи раскольниковъ въ церквахъ православныхъ—брать отъ нихъ обязательство „предъ вѣчаніемъ—пребывать въ православіи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть“ (5),—можно думать, что неопредѣленность, съ какою правительство приглашало въ 1850 году поморцевъ и другихъ раскольниковъ къ вѣчанію въ православныхъ церквахъ, была

(1) Тамъ же стр. 502.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383—4.

(3) Тамъ же стр. 514.

(4) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 595 и 598—9.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 383.

допущена не безъ намѣренія. Какъ бы впрочемъ ни было, только, повторимъ еще, поморцамъ, желавшимъ перемѣнить жизнь дѣвственную на брачную, послѣ Высочайшаго повелѣнія 1850 года, не оставалось ничего болѣе, какъ вѣнчаться въ православныхъ, или едино-вѣрческихъ, церквахъ. Теперь остается вопросъ: такъ ли было на самомъ дѣлѣ?

Дѣйствительно, по свидѣтельству самихъ раскольниковъ, и притомъ едосѣвцевъ, — враговъ поморцевъ, зорко слѣдившихъ за своими противниками, — множество поморцевъ въ началѣ 50-хъ годовъ стало вѣнчаться у православныхъ и едино-вѣрческихъ священниковъ, или по крайней мѣрѣ — получать отъ нихъ за деньги фальшивыя свидѣтельства о повѣчаніи. Мы имѣемъ подъ руками одно раскольническое сочиненіе, принадлежащее перу истаго едосѣвца и, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ выраженіямъ, которыя мы увидимъ, написанное имъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, когда дѣти безпоповцевъ, жившихъ въ сводныхъ бракахъ, признаны были незаконнорожденными. Въ этомъ сочиненіи, имѣющемъ заглавіе: „отсловіе къ новоженамъ“ (1), говорится, что поморцы, или, какъ называетъ ихъ бракоборецъ, „новопротестантской секты послѣдователи“, видя, что безсвященнословные браки ихъ „какъ церковными, такъ и градскими учрежденіями запрещаются“, что дѣти ихъ, „яко зазорныя, вмѣняются въ мірѣ и лишаются законнаго имени, права и родительскаго наслѣдства“, стали „искать поваго подтвержденія своей же-нидѣбѣ, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ“; для этого

(1) Сочиненіе это мы нашли въ сборникѣ библ. покойн. митр. Григорія подъ № 200.

одни изъ поморцевъ, по фанатическому выраженію еедосѣвца, „прибѣгаютъ къ вселѣгору и съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утверженія, покупая себѣ гибель и защиту оттуду, и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смерти, и, принявше отъ нихъ письменное свидѣтельство, бываютъ безоопаснѣ; другіе прямо „укрѣпляли свои сожитія внѣшнимъ обрядомъ, сіе есть, еретическимъ вѣнчаніемъ и благословеніемъ и съ записаніемъ, сколь бы сіе ни разумѣли душевреднымъ. И симъ образомъ женящіяся и посягающія, съ скорбію замѣчаетъ авторъ „отсловія“, всюду видими суть мнози въ сіе плачу достойное время“. То же самое подтверждается и официальными извѣстіями. По донесенію чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разосланныхъ, въ началѣ 50 хъ годовъ, въ разныя губерніи для изученія мѣстнаго раскола, въ это время большинство поморцевъ вѣнчалось въ православныхъ храмахъ, хотя подобное вѣнчаніе считало только дѣломъ житейской необходимости и бракъ церковный признавало за гражданскій актъ, необходимый для законности правъ дѣтей (1).

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что, какъ ни велико было число поморцевъ, которые послѣ Высочайшихъ повелѣній 1850 года стали „давать своимъ сочетаніямъ видъ брака“ вѣнчаніемъ въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, или только покупкою у недостойныхъ причтовъ фальшивыхъ свидѣтельствъ о повѣнчаніи, но было между ними не мало и такихъ, кои, не смотря на опасность потерпѣть за

(1) Кельсiev. вып. 4, стр. 13, 29, 60—61; свес. истор. ми. внутр. дѣл. вн. 8, стр. 529, 629, 642.

„самочинныя женитвы“ кару со стороны „сугубаго начальства внѣшнихъ“, продолжали вступать въ браки по своимъ обрядамъ. Такъ поступали большею частію поморцы, „удалившіеся, по словамъ автора „отсловія“, въ лѣсные улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывавшіе“, гдѣ надзоръ за раскольниками не могъ быть особенно бдительный. А если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что, по сознанію самаго правительства, распоряженія его по расколу, „по недостатку полицейскихъ средствъ“, большею частію не исполнялись даже въ 1853 году (1), то поймемъ, что могли быть и другія мѣста, кромѣ „лѣсныхъ улусовъ и многонародныхъ городовъ“, гдѣ поморцы по прежнему продолжали вступать въ сводные браки, „избѣгая при этомъ казни и паденія и самаго осужденія“ (2). И это было весьма естественно. Непризнаніе раскольниковыхъ дѣтей, рожденных въ сводныхъ бракахъ, законными было мѣрою тяжелою, строго говоря, только для тѣхъ поморцевъ, кои были богаты и не принадлежали къ податному состоянію, такъ какъ, по Высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 года, „дѣти безпоповцевъ, внесенныя въ ревизію на основаніи повелѣнія 10 іюля незаконнорожденными, облагались податями на общемъ со всѣми лицами податныхъ состояній основаніи“ (3). Для поморцевъ—купцовъ, и вообще для поморцевъ, по выраженію одного синодскаго указа „зажиточныхъ“, это распоряженіе было грозно, такъ какъ, на основаніи его, дѣти ихъ, кромѣ платы податей, могли попасть въ рекруты и даже, въ случаѣ уголовного преступленія, под-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 593.

(2) См. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 519 и 522—3.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 553.

вергнуться тѣлесному наказанію, а главное—могли не получить „недвижимыхъ имѣній своихъ родителей“ (1); но для массы сельскихъ жителей, принадлежавшихъ и безъ того къ податному состоянію и несшихъ на своихъ плечахъ всѣ государственныя повинности, такая мѣра не составляла тяжелой новости. Неудивительно поэтому, если тогда какъ „почтенныя и знаменитыя во градѣхъ“ поморцы, для которыхъ уже одно непризнаніе дѣтей ихъ законными казалось позоромъ и безчестіемъ, вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церк-вахъ, — „люди сельскіе низкаго состоянія“, которымъ отъ Высочайшаго повелѣнія 8 декабря 1850 года терять было нечего, продолжали вступать въ свои без-священнословные браки и послѣ 1850 года, а нѣкото-рые доходили даже до такой смѣлости, что брали себѣ въ сожителство—безъ браковѣчанія—дѣвицы, рожден-ныхъ и воспитанныхъ въ православіи, или единовѣ-рціи (2). Впрочемъ подобныя явленія были исключеніемъ; большинство же поморцевъ и вообще безпоповцевъ, рѣшавшихся въ это время жениться на православныхъ дѣвицахъ, „брачились во вѣнчанихъ (т. е. въ право-славныхъ и единовѣрч.) церквахъ,—овія дѣйствитель-но, друзіи же входомъ въ церкви безъ дѣйствія, иніи же словомъ, или письмомъ, кромѣ дѣйствія и входа, единымъ вѣнчимъ гражданскимъ поѣздомъ“ (3).

Такимъ образомъ, строго говоря, суровое отношеніе свѣтской власти къ своднымъ бракамъ поморцевъ, начавшееся съ 1850 года, привнесло больше вреда, чѣмъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 523.

(2) Тамъ же стр. 514.

(3) Сборн. библ. покойн. митр. Григорія № 112, статья „о полов-никахъ“, л. 126 об.

пользы. Заставить всѣхъ поморцевъ вѣнчаться въ православныхъ, или единовѣрческихъ, церквахъ правительство, по собственному его признанію, не имѣло силъ и средствъ, а между тѣмъ тѣ изъ нихъ, кои вѣнчались, дѣлали это не по искреннему убѣжденію, но изъ страха, по-неволѣ, и такимъ образомъ благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, а напротивъ положительно ни во что не ставили, и изъ которыхъ многіе, грѣша сами, соблазняли на грѣхъ и православные причты, за деньги соглашавшіеся вносить въ число вѣнчанныхъ такихъ поморцевъ, кои только пріѣзжали къ церкви „единымъ гражданскимъ поѣздомъ“.

Что же дѣлала въ это время власть духовная „для искорененія между раскольниками беззаконныхъ браковъ?“ Независимо отъ постановленій св. синода, изложенныхъ нами выше, которыя направлены были противъ сводныхъ браковъ между поморцами въ губерніяхъ Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской, мы находимъ еще слѣдующія распоряженія церковной власти касательно разсматриваемаго нами предмета. Когда въ 1833 году саратовскій преосвящ. Іаковъ донесъ св. синоду, что онъ позволилъ нѣкоторымъ священникамъ своей епархіи—крестить у раскольниковъ, „по призывамъ ихъ“, младенцевъ, совершать браки и проч.,—„въ надеждѣ симъ средствомъ смягчить сердца закоренѣлыхъ въ расколѣ и обратитъ ихъ въ нѣдра православной церкви“,—св. синодъ, одобривъ распоряженіе преосвященнаго о крещеніи православными священниками раскольническихъ дѣтей, касательно другихъ таинствъ, „совершаемыхъ надъ возрастными“, далъ знать преосв. Іакову, что онъ можетъ допускать къ нимъ раскольни-

ковъ не иначе, какъ „только по присоединеніи ихъ къ церкви установленнымъ образомъ“ (1). Въ 1836 году, по поводу заявленія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, что „нерѣдко раскольники, при вѣнчаніи ихъ православными священниками съ лицами православнаго исповѣданія, обязываются только подписками не совращать женъ своихъ въ расколъ и могущихъ быть отъ сихъ браковъ дѣтей воспитывать въ православной вѣрѣ, но сами не присоединяются къ оной“,—св. синодъ указомъ отъ 7 августа подтвердилъ всему духовному вѣдомству, „дабы браки раскольниковъ съ православными лицами совершаемы были въ православной церкви православными священниками не прежде, какъ по совершенномъ присоединеніи раскольническаго лица къ православію“ (2). Въ 1837 году позволено было св. синодомъ псковскому преосвящ. Наѳанаялу—присоединять къ церкви и вѣнчать съ православными лицами совершеннолѣтнихъ раскольническихъ дочерей, „хотя бы не было на то согласія родителей ихъ“ (3). Въ 1838 году св. синодъ разрѣшилъ подольскому преосвящ. Кириллу принять въ монастырь „какъ для прохожденія епитиміи, такъ и для увѣщанія обратиться къ православію“,—раскольника безпоповской секты, находившагося въ блудномъ сожительствѣ съ раскольницею той же секты и прижившаго съ нею дѣтей; впрочемъ это разрѣшеніе было дано св. синодомъ только потому, что объ этомъ настойчиво хлопоталъ „свѣтскій судъ“, которому одному и подчинены были подобнаго рода дѣла (4). Когда въ 1839 году преосвящ. архангельскій

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 251—4.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 218—219.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 315.

(4) Тамъ же стр. 341—3.

Георгій донесъ св. синоду, что многіе изъ православныхъ его епархіи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, вступаютъ въ браки съ раскольниками, и предлагалъ при этомъ нѣкоторыя особенныя мѣры къ ограниченію подобныхъ союзовъ,—св. синодъ, признавъ мѣры преосвященнаго неудобноисполнимыми, предписалъ ему наблюдать только, чтобы священники „въ отношеніи къ брачущимся съ раскольниками лицамъ свѣтскаго званія исполняли неупустительно тѣ правила, какія предписаны были въ циркулярномъ указѣ св. синода отъ 7 августа 1836 года“. Что же касается до лицъ духовнаго званія, породнившихся до того времени съ раскольниками чрезъ брачныя союзы, то, кромѣ строгаго надзора за ними, предписано было преосвященному „войти объ нихъ въ особливое секретное разсмотрѣніе о томъ, принята ли сочетавшимися изъ раскола, вмѣстѣ съ бракомъ, православная вѣра, и если нѣтъ, то не происходитъ ли отъ сего вреда св. церкви“ (1). Въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію, распространено было св. синодомъ разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ, безъ присоединенія, на новочеркасскую епархію (2). Что же касается другихъ епархій, то мы не знаемъ, было ли дано имъ то же право; судя же по тѣмъ даннымъ, какія сообщали въ своихъ донесеніяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ чиновники его, изучавшіе расколъ въ разныхъ губерніяхъ въ началѣ 50 хъ годовъ, можно думать, что для большинства епархій общимъ закономъ было—не вѣнчать раскольниковъ въ единовѣрческихъ церквахъ безъ присоединенія (3). Въ томъ же 1842 году, согласно Высочайшему

(1) Тамъ же стр. 359—361.

(2) Тамъ же стр. 383—4.

(3) Кельсиев. вып. 2, стр. 19; вып. 4, стр. 13 и 60—1.

повелѣнію, предписано было св. синодомъ иркутскому преосвященному, чтобы онъ назначилъ благонадежныхъ священниковъ въ приходы, гдѣ распространялись сводные браки между раскольниками, и принялъ всевозможныя мѣры къ прекращенію сводныхъ браковъ между единовѣрцами (1). Въ 1847 году св. синодъ далъ знать преосвящ. рязанскому, что „духовенству недолично входить ни въ какіе розыски о законности женъ и дѣтей“ раскольническихъ, „такъ какъ предметъ сей принадлежитъ непосредственному вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ“ (2). Въ 1849 году преосвящ. архангельскій предлагалъ св. синоду очень энергическія мѣры противъ „брачныхъ сожителствъ“ раскольническихъ, и особенно противъ тѣхъ раскольниковъ, которые вѣнчались въ церкви, давъ предварительно присягу пребывать въ православіи, а потомъ снова переходили въ расколъ. Но св. синодъ призналъ „неудобнымъ“ исполнить желаніе преосвященнаго и рекомендовалъ ему для руководства „существующіе законы“ (3). Въ 1852 году, когда министерство внутреннихъ дѣлъ представило на разсмотрѣніе въ св. синодъ мнѣніе черниговскаго секретнаго комитета о томъ, чтобы, „по мѣстнымъ обстоятельствамъ“, раскольникамъ безпоповщической секты, изъявившимъ желаніе принять *единовѣріе*, позволено было оставлять женщинъ, съ которыми они находились въ „противозаконныхъ бракахъ“, и вступать въ новые браки съ другими лицами, „по правиламъ св. церкви“, — св. синодъ несогласился съ такимъ мнѣніемъ комитета и отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ оберъ-прокурора графа Прота-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 386.

(2) Тамъ же стр. 453—5.

(3) Тамъ же стр. 471—475.

сова, что „присоединеніе изъ раскола къ единовѣрью не должно сопровождаться никакими условіями со стороны желающаго вступить въ оное и что духовное начальство въ разсмотрѣніе о расторженіи раскольниковскихъ браковъ можетъ входить не прежде, какъ по дѣйствительномъ присоединеніи желающихъ того лицъ“ (1); хотя раскольникамъ вятской губерніи, присоединявшимся и имѣвшимъ намѣреніе присоединиться къ православію, еще въ 1839 году позволено было св. синодомъ оставлять имѣвшихъ съ ними сожитіе женщинъ, если онѣ оставались въ расколѣ, и вступать въ новые браки съ лицами православнаго исповѣданія (2), и это позволеніе подтверждено было св. синодомъ и въ 1853 г. (3).

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что, кромѣ циркулярнаго указа отъ 7 августа 1836 года, разосланнаго по всему духовному вѣдомству, всѣ остальные постановленія св. синода касательно раскольниковскихъ браковъ носятъ на себѣ характеръ частныхъ распоряженій, имѣвшихъ въ виду то одну, то другую епархію; а послѣ этого неудивительно, если въ прошлое царствованіе духовенство разныхъ губерній дѣйствовало по этому вопросу неодинаково и раскольники тѣхъ епархій, гдѣ требовали отъ нихъ предъ вѣнчаніемъ въ православныхъ храмахъ предварительнаго присоединенія къ церкви, не соглашались на подобное условіе, ссылаясь на другія епархіи, въ которыхъ дѣйствовалъ другой законъ, и попережнему вступали въ такъ называемые сводные браки (4).

И. Нильскій.

(Продолженіе будетъ)

(1) Тамъ же стр. 509—512.

(2) Тамъ же стр. 370.

(3) Тамъ же стр. 532.

(4) Кельсиев. выш. 2, стр. 19--20.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки